М
С

В. П. СЕМЕННИКОВЪ.

КОГДА РАДИЩЕВЪ ЗАДУМАЛЪ „ПУТЕШЕСТВІЕ“?

(«Отрывокъ путешествія въ *** И*** Т***» 1772 г. и «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» 1790 г.).

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ Л. Э. БУХГЕЙМЪ.
1916.

М
С

В. П. СЕМЕННИКОВЪ.

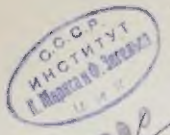
КОГДА РАДИЩЕВЪ ЗАДУМАЛЪ „ПУТЕШЕСТВІЕ“?

(«Отрывокъ путешествія въ *** П*** Т***» 1772 г. и «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» 1790 г.).

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ Л. Э. БУХГЕЙМЪ.
1916.

2-й экз

М
С Р



9389

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
Москва—1916.

По словамъ самого Радищева въ показаніяхъ, данныхъ имъ на слѣдствіи, первая мысль взяться за перо, послѣ долгаго литературнаго бездѣйствія [1]), явилась у него въ 80-хъ годахъ, когда онъ прочелъ „Философскую исторію обѣихъ Индій“ Рейналя. „Сію-то книгу,—писалъ авторъ „Путешествія“ въ крѣпости, — могу я почитать началомъ бѣдственному моему состоянію“ [2]).

Многотомный трудъ Рейналя Радищевъ началъ читать еще въ 1780 или 1781 г., но сначала усиленныя служебныя занятія, потомъ болѣзнь и смерть жены, отвлекли Радищева отъ этого чтенія; однако, въ 1785 г. онъ снова взялся за „Исторію обѣихъ Индій“, дочелъ ее до конца и испыталъ сильное впечатлѣніе отъ этого сочиненія. Послѣ этого Радищевъ возымѣлъ желаніе „мыслями и штилемъ“ Рейналя изложить свои наблюденія надъ русскою жизнью. Первоначально, „для упражненія въ слогѣ“, онъ сталъ писать повѣсть о людяхъ, продаваемыхъ съ публичнаго торга; въ слѣдующемъ году, читая Гердера, Радищевъ началъ писать о цензурѣ, а затѣмъ задумалъ „Повѣсть Систербецкую“ [3]). Въ мысляхъ Радищева стало тогда рисоваться цѣлое сочиненіе; литературную форму для него,—согласно показанію Радищева,—дало прочитанное имъ „Сантиментальное путешествіе“ Стерна.

Такимъ образомъ, на основаніи словъ самого Радищева, возникновеніе мысли о „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“ слѣдуетъ относить не ранѣе, чѣмъ къ 1785 году. Между тѣмъ въ нашей лите-

[1]) Первыми литературными трудами Радищева, какъ извѣстно, считаются два перевода: „Размышленій о греческой исторіи“ Мабли (Изданы въ 1773 г.) и „Офицерскихъ упражненій“ (1773—77 гг.); послѣ этихъ переводовъ литературныхъ работъ Радищева вплоть до конца 80-хъ гг., сколько извѣстно, не появлялось.

[2]) Письмо Радищева къ Шешковскому („Полное собраніе сочиненій А. Н. Радищева“, ред. В. В. Каллаша, М., 1907 г., т. II, стр. 602).

[3]) Вышеупомянутые первоначальные наброски пошли въ „Путешествіе“ въ качествѣ главъ, названныхъ: „Мѣдное“, „Торжокъ“ и „Чудово“.

ратурѣ существуетъ весьма любопытное преданіе, которое, въ случаѣ своего подтвержденія, должно въ значительной степени поколебать установившійся взглядъ на исторію созданія „Путешествія“. Преданіе это гласитъ о возможности считать Радищева авторомъ помѣщеннаго еще въ 1772 г. въ „Живописцѣ“ Новикова „Отрывка путешествія въ *** И*** Т****“, а этотъ „Отрывокъ“, всецѣло посвященный обрисовкѣ тяжелаго положенія крестьянъ, и по литературной формѣ, и по названію, и по общей темѣ, несомнѣнно, стоитъ въ тѣсной связи съ Радищевскимъ „Путешествіемъ“. Если бы авторомъ „Отрывка“ былъ Радищевъ, то это значило бы, что еще въ 1772 году онъ задумалъ написать книгу въ формѣ „Путешествія“.

Правда, самая возможность такого предположенія стоитъ въ противорѣчіи съ упомянутыми выше словами Радищева. Но, при оцѣнкѣ его показанія, необходимо имѣть въ виду, что авторъ „Путешествія“, несомнѣнно, не имѣлъ никакихъ основаній открывать на слѣдствіи такіе остававшіеся неизвѣстными факты изъ своей прежней литературной дѣятельности, которые могли еще болѣе ухудшить его положеніе и, кромѣ того, обнаруживали кругъ его единомышленниковъ. Такъ, на слѣдствіи не открылось даже такое важное обстоятельство, какъ близкое участіе Радищева въ издававшемся въ 1789 г. цѣлымъ „Обществомъ друзей словесныхъ наукъ“ журналѣ „Бесѣдующій Гражданинъ“, имѣющемъ рядъ точекъ соприкосновенія съ „Путешествіемъ“ [1]). Въ такомъ же положеніи могъ остаться и предполагаемый фактъ сотрудничества нашего писателя въ „Живописцѣ“. Къ этому нужно также прибавить, что авторъ „Путешествія“ на допросахъ оправдывалъ себя тѣмъ, что его книга—плодъ „мгновеннаго заблужденія“, между тѣмъ, если бы стало извѣстно, что Радищевъ былъ и авторомъ „Отрывка“, написаннаго еще въ 1772 г., то это значило бы, какъ глубока была—выношена цѣлую жизнь—ненависть автора къ крѣпостному праву; это значило бы, что „Путешествіе“ Радищева являлось выполненіемъ мысли, лелѣянной еще съ юности. Ясно поэтому, что если авторомъ „Отрывка“ былъ Радищевъ, то въ его прямыхъ интересахъ было стараться скрывать этотъ фактъ [2]), ко-

[1]) См. статью П. Е. Щеголева: „Изъ исторіи журнальной дѣятельности А. Н. Радищева“—въ журналѣ „Минувшіе Годы“, 1908 г., № 12, стр. 197.

[2]) Даже прочтя Радищевское „Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ“ (написано въ 1782, издано въ 1790 г.), Екатерина II замѣтила: „Давно мысль его (Радищева) готовилась ко взятому пути“.

торый могъ еще болѣе отягчить его положеніе. При такихъ условіяхъ, умолчаніе Радищева на слѣдствіи объ „Отрывкѣ“ и показаніе, что мысль о „Путешествіи“ возникла въ восьмидесятыхъ годахъ, не могутъ еще служить опроверженіемъ вопроса объ участіи Радищева въ „Живописцѣ“.

Но, если Радищевъ своимъ умолчаніемъ объ „Отрывкѣ“ скрылъ истину, то обнаруженіе этой истины можетъ придать личности автора „Путешествія“ только еще большую нравственную цѣнность.

Вопросъ о возможности считать Радищева авторомъ „Отрывка“, возбужденный еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, до сихъ поръ остается въ неопредѣленномъ положеніи, не получая ни полнаго подтвержденія, ни вполнѣ убѣдительнаго опроверженія. Намъ уже приходилось два раза, сперва вскользь [1]), затѣмъ съ большею подробностью [2]) касаться этого вопроса, но по самому характеру тѣхъ статей, въ которыхъ мы объ этомъ говорили, мы не могли тамъ сосредоточиваться на разрѣшеніи даннаго предположенія. Въ общемъ, однако, мы придерживались убѣжденія, что это преданіе имѣетъ въ себѣ большой вѣсъ, но для полнаго подтвержденія нуждается еще въ нѣкоторыхъ дополнительныхъ изслѣдованіяхъ.

Почти одновременно съ нами тотъ же вопросъ подвергъ разсмотрѣнію В. В. Міяковскій въ своей обстоятельной статьѣ „Учебные годы Радищева“, помѣщенной въ журналѣ „Голосъ Минувшаго“ [3]). Г. Міяковскій, высказавъ нѣкоторыя свои соображенія, приходитъ къ заключенію, что „на основаніи имѣющихся данныхъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только отрицательно, и установленный г. Семенниковымъ фактъ сношеній Радищева съ Новиковымъ, какъ издателемъ его переводовъ [4]), не можетъ поколебать этого рѣшенія, тѣмъ болѣе, что весь вопросъ, породившій цѣлую литературу, основанъ на простомъ недоразумѣніи и ошибочномъ указаніи Павла Радищева“.

[1]) „Раннее издательское общество Н. И. Новикова“, статья въ „Русскомъ Библіофилѣ“, 1912 г., № V.

[2]) „Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг. Разысканія объ издателяхъ ихъ и сотрудникахъ“ (Петроградъ, 1914 г., приложеніе къ „Русскому Библіофилу“), стр. 54—55.

[3]) 1914 г., № 5, стр. 101—104.

[4]) Авторъ ссылается на нашу статью „Раннее издательское общество Н. И. Новикова“.

Въ настоящее время мы вновь возвращаемся къ этому же вопросу и выскажемъ теперь наше окончательное о немъ мнѣніе.

Но ранѣе остановимся на исторіи возникновенія этого интересующаго насъ предположенія, приведемъ мнѣнія нашихъ изслѣдователей и выскажемъ относительно ихъ взглядовъ свои соображенія.

Первое указаніе на участіе А. Н. Радищева въ „Живописцѣ“ сдѣлалъ сынъ его Павелъ. Въ примѣчаніяхъ на статью Пушкина объ А. Н. Радищевѣ, Павелъ Радищевъ въ одномъ изъ пунктовъ писалъ: „Другія статьи сего «Путешествія» были напечатаны въ «Живописцѣ» Новикова въ 1776 году и въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» Мартынова (ч. V, январь 1805 г., стр. 61, Смѣсь): «Отрывокъ изъ бумагъ одного крестьянина». Это глава изъ „Путешествія“ подъ заглавіемъ Клинъ, которую привелъ Пушкинъ въ приложеніи къ своей статьѣ о Радищевѣ“ [1]).

П. А. Радищевъ здѣсь совершенно правильно и точно указалъ на помѣщенную въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ главу „Клинъ“. Вслѣдствіе этого надо отнестись съ вниманіемъ и къ его первому указанію—на „Живописецъ“, и хотя въ этомъ журналѣ не содержится никакихъ „статей“, которыя бы вошли въ „Путешествіе“, но допустимо, что слова П. А. Радищева все-таки имѣютъ извѣстное значеніе: остается еще возможность говорить не объ абсолютной невѣрности, а лишь о *неточности* сдѣланнаго П. А. Радищевымъ сообщенія.

П. А. Радищевъ въ своихъ словахъ о „статьяхъ“ отца въ „Живописцѣ“, конечно, имѣлъ въ виду помѣщенный въ этомъ журналѣ „Отрывокъ“, который, хотя и не включенъ въ „Путешествіе“ въ качествѣ одной изъ главъ, но сходенъ и по названію, и по литературной формѣ, и по общей идеѣ съ книгой Радищева. При сопоставленіи такого сходства со словами Павла Радищева, возникаетъ естественное предположеніе: не является ли этотъ „Отрывокъ“ какимъ-либо не вошедшимъ въ окончательный текстъ наброскомъ одной изъ главъ, предназначенныхъ для „Путешествія“. Павелъ Радищевъ на старости лѣтъ, не имѣя подъ руками „Живописца“ (годъ изданія котораго онъ, кстати сказать, указываетъ невѣрно: 1776, вмѣсто 1772—73), могъ упустить это изъ вида, могъ принять первоначальный набросокъ за главу окончательной редакціи „Путешествія“. М. Н. Лонгиновъ, снабдившій воспоминанія П. А. Радищева примѣчаніями, первый высказался въ такомъ

[1]) „Русскій Вѣстникъ“, 1858 г., № 23, стр. 406—407.

приблизительно смыслѣ, добавивъ, впрочемъ, что въ „Путешествіи“ нѣтъ обстоятельства, похожаго на описанное въ „Отрывкѣ“ [1]).

Вслѣдствіе сказаннаго мы считаемъ, что, если между содержаніемъ „Отрывка“ и „Путешествія“ будутъ найдены какія-либо значительныя точки соприкосновенія, то на показаніе П. А. Радищева придется смотрѣть именно въ указанномъ нами смыслѣ.

Другіе наши изслѣдователи, послѣ М. Н. Лонгинова, смотрѣли на вопросъ, главнымъ образомъ, съ трехъ точекъ зрѣнія. Прежде всего коснемся мнѣнія тѣхъ изслѣдователей, которые высказали болѣе или менѣе обоснованный отрицательный взглядъ; это были П. А. Ефремовъ и, въ недавнее время, В. В. Мияковскій.

П. А. Ефремовъ въ примѣчаніяхъ къ своему изданію „Живописца“ ссылается на письмо къ Шешковскому самого Радищева, который говоритъ, что „опыты письма“ его до женитьбы (1775 г.) всегда обращались на „нѣжные предметы“; а такъ какъ „Отрывокъ“ вовсе не подходитъ подъ это понятіе, то на этомъ основаніи П. А. Ефремовъ отрицаетъ здѣсь авторство Радищева. Но доводы Ефремова легко опровергаются хотя бы тѣми соображеніями, которыя выше высказаны нами относительно того, что Радищевъ не имѣлъ никакихъ основаній обнаруживать на слѣдствіи невыгодные для него факты изъ своей прежней литературной дѣятельности.

Да и въ самыхъ словахъ Радищева о „нѣжныхъ предметахъ“ есть невѣрность: неужели, напримѣръ, подъ это понятіе можетъ подойти сдѣланный Радищевымъ въ 1773 г. переводъ „Размышленій о греческой исторіи“ Мабли, — переводъ, къ тому же снабженный рѣзкимъ примѣчаніемъ о „самодержавствѣ“?

Г. Мияковскій выставляетъ для опроверженія вопроса объ участіи Радищева въ „Живописцѣ“ иной доводъ [2]). „Вопросъ рѣшаетъ,—говоритъ г. Мияковскій,—примѣчаніе, которое добавлено въ 3-мъ изданіи «Живописца» въ концѣ «Отрывка»: «Продолженіе сего путешествія напечатано будетъ при четвертомъ изданіи сей книги». А въ четвертомъ и пятомъ изданіяхъ—обѣщано продолженіе «въ новомъ изданіи». Это обѣщаніе,—высказываетъ г. Мияковскій,— уже не имѣло бы смысла,

[1]) „Русскій Вѣстникъ“, 1858 г., № 23, стр. 407, примѣч., и стр. 429.

[2]) „Голосъ Минувшаго“, 1914 г., № 5, стр. 101 — 104, статья „Учебные годы Радищева“.

если бы авторомъ «Отрывка» былъ Радищевъ, такъ какъ въ 1793 году, когда вышло 5-е изданіе «Живописца», нашъ писатель жилъ уже въ Сибири".

Это соображеніе г. Міяковскаго, можетъ быть, имѣло бы нѣкоторое значеніе, если бы авторъ статьи не упустилъ изъ вида одного слѣдующаго обстоятельства. Дѣло въ томъ, что въ 1793 году, когда вышло пятое изданіе журнала, не только Радищевъ подвергся тяжелой карѣ, но и самъ издатель „Живописца" Новиковъ: съ мая 1792 года онъ находился уже въ Шлиссельбургской крѣпости, и поэтому ни исправлять, ни редактировать пятаго изданія онъ уже не могъ. Слѣдовательно, издатель журнала, даже если бы и желалъ, не имѣлъ никакой возможности откинуть въ пятомъ изданіи и ту помѣтку (съ обѣщаніемъ продолженія „Отрывка"), наличность которой играетъ рѣшающую роль въ доводахъ г. Міяковскаго.

Уже изъ того, что Новиковъ въ 1793 г. находился въ крѣпости, можно бы сдѣлать заключеніе, что пятое изданіе „Живописца" было напечатано помимо самого издателя. Такъ это и было въ дѣйствительности: это изданіе журнала было выпущено петербургскимъ книгопродавцемъ Герасимомъ Зотовымъ, какъ это видно изъ недавно опубликованныхъ нами данныхъ, которыя еще не могли быть извѣстны г. Міяковскому. Это пятое изданіе было простой перепечаткой предшествующаго, но съ нѣкоторыми пропусками, сдѣланными, несомнѣнно, по цензурнымъ условіямъ [1]).

Такимъ образомъ, на основаніи сказаннаго, отпадаетъ, какъ ошибочный, тотъ доводъ г. Міяковскаго, который, по его словамъ, „рѣшаетъ вопросъ" [2]).

---

[1]) „Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг.", стр. 87.—Думаемъ, что Зотовъ самовольно перепечаталъ журналъ Новикова въ расчетѣ на интересъ публики къ личности только что пострадавшаго издателя. Это нерѣдко практиковалось въ то время, когда никакихъ законоположеній на этотъ счетъ не существовало. Отмѣтимъ кстати, что этотъ самый Герасимъ Зотовъ привлекался къ слѣдствію по дѣлу Радищева.

[2]) Второй доводъ г. Міяковскаго такой: „Нужно принять во вниманіе и то, что «Отрывокъ» обнаруживаетъ большое знакомство автора съ бытомъ крестьянъ, большую наблюдательность и пониманіе условій крестьянскаго существованія, чего никоимъ образомъ не могло быть у только что сошедшаго со школьной скамьи юноши, начиненнаго отвлеченными построеніями французскихъ философовъ и политическихъ теоретиковъ. Радищевъ вернулся въ Россію во второй половинѣ ноября 1771 г., а

Другая группа изслѣдователей—Л. Н. Майковъ, А. И. Незеленовъ и др.—сосредоточивали все свое вниманіе на иниціалахъ „И*** Т***", стоящихъ въ заголовкѣ „Отрывка". И такъ какъ эти иниціалы не совпадаютъ съ начальными буквами имени и фамиліи Радищева, то эти изслѣдователи, не обращая вниманія на содержаніе „Отрывка", старались разгадать по иниціаламъ, кому принадлежитъ статья. На основаніи только этого нехитраго пріема были высказаны предположенія, что „И*** Т***" указываетъ на И. П. Тургенева. Въ дѣйствительности, несовпаданіе иниціаловъ еще не служитъ доказательствомъ того, что авторъ „Отрывка" не Радищевъ [1]). Иниціалы, возможно думать, и не означаютъ имени и фамиліи автора, а могутъ имѣть какой-либо другой смыслъ [2]).

Наконецъ были изслѣдователи, которые, принимая во вниманіе указаніе Павла Радищева, обратили вниманіе на самое важное, именно на то, что по темѣ и по сходству стиля „Отрывокъ" близокъ къ „Путешествію". Вслѣдствіе этого признавалось вѣроятнымъ, что авторомъ „Отрывка" былъ Радищевъ. Таково было мнѣніе Д. Ѳ. Кобеко, высказавшагося объ этомъ еще въ старыхъ „Библіографическихъ Запискахъ" [3]). Д. Ѳ. Кобеко называетъ „Отрывокъ" „какъ бы началомъ того труда, который имъ (Радищевымъ) былъ изданъ подъ именемъ «Путешествія»". Въ томъ же положительномъ смыслѣ высказался В. А. Мякотинъ, на-

---

пятый листъ «Живописца», въ которомъ напечатанъ «Отрывокъ», вышелъ уже 15 мая 1772 г., т. е. черезъ полгода по возвращеніи Радищева въ Россію. Все это время было проведено въ Петербургѣ, и деревня могла представляться ему лишь по воспоминаніямъ очень отдаленнаго дѣтства".—Опроверженіе этого довода, какъ мы надѣемся, обнаружится изъ дальнѣйшаго нашего изложенія.

[1]) У издателей и сотрудниковъ сатирическихъ журналовъ не было въ обычаѣ ни сообщать свои имена подъ статьями, ни ставить буквенныя подписи. А если такія подписи и встрѣчаются, то онѣ нерѣдко не соотвѣтствуютъ дѣйствительному имени и фамиліи автора. Для примѣра укажемъ хотя бы такіе случаи. Въ листѣ 15-мъ „Живописца" 1772 г. помѣщено письмо уѣзднаго дворянина, и при этомъ письмѣ находится другое—препроводительное, съ просьбою о напечатаніи перваго письма; препроводительное письмо подписано—П. Р., между тѣмъ П. А. Ефремовъ доказываетъ, что авторъ письма къ уѣздному дворянину, а слѣдовательно, и другого письма М. И. Поповъ. Въ „Трутнѣ" 1769 г., въ листѣ 16-мъ, помѣщено письмо, подписанное—Б. К., но авторъ письма —Ѳ. А. Эминъ и т. д.

[2]) Этого вопроса мы еще коснемся ниже.

[3]) 1861 г., № 4, стр. 110—111, статья „Нѣсколько псевдонимовъ въ русской литературѣ XVIII в.".

зывающій участіе Радищева въ „Живописцѣ“ „очень вѣроятнымъ“ [1]); это же признавали и нѣкоторые другіе. Правда, всѣ эти наблюденія были основаны, главнымъ образомъ, на субъективныхъ впечатлѣніяхъ: какого-либо анализа и болѣе детальнаго сопоставленія „Отрывка“ и „Путешествія“ сдѣлано не было; но уже самая совокупность нѣсколькихъ такихъ впечатлѣній придаетъ имъ извѣстную цѣну.

Въ самое послѣднее время нашими разысканіями были установлены личныя отношенія Новикова и Радищева, переводы котораго печаталъ издатель „Живописца“ въ 1773 году [2]). Это опять-таки нѣсколько усиливало сдѣланныя ранѣе предположенія [3]), такъ какъ стало извѣстно, что два дѣятеля, ратовавшіе за улучшеніе положенія крестьянъ, не только были лично знакомы во время изданія „Живописца“, но даже имѣли между собою сношенія по литературнымъ дѣламъ.

Такова исторія вопроса; изложивъ ее, мы считаемъ не лишнимъ отмѣтить, что для насъ свидѣтельство Павла Радищева особаго значенія не имѣетъ: мы думаемъ, что даже если бы и не было его указанія, все равно слѣдовало бы обратить вниманіе на точки соприкосновенія „Отрывка“ и „Путешествія“.

Приступая къ изложенію нашего мнѣнія, отмѣтимъ ранѣе всего тѣ замѣтныя сразу черты, которыя сближаютъ эти два произведенія.

Прежде всего, вѣдь, это два наиболѣе яркихъ, наиболѣе сильныхъ литературныхъ протеста противъ крѣпостного права въ теченіе всего XVIII вѣка. Это одно уже выдѣляетъ ихъ изъ нѣсколькихъ другихъ произведеній, въ которыхъ проявилось стремленіе къ борьбѣ за улучшеніе положенія крестьянъ.

Оба сочиненія проникнуты однимъ тономъ, въ которомъ слышится голосъ глубоко возмущеннаго, негодующаго человѣка.

---

[1]) „Изъ исторіи русскаго общества“ (СПБ., 1906 г.), стр. 181.

[2]) Въ 1773 году Новиковское „Общество, старающееся о напечатаніи книгъ“, издало переведенное Радищевымъ сочиненіе Мабли „Размышленія о греческой исторіи, или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ“. Въ томъ же 1773 году общество предприняло напечатать другой переводъ Радищева „Офицерскія упражненія“, но вслѣдствіе матеріальныхъ неудачъ общества эта книга была выпущена только въ 1777 году, хотя отпечатана была гораздо ранѣе: существуютъ экземпляры „Офицерскихъ упражненій“, датированные 1773 г. (о послѣднихъ см. наши „Матеріалы для исторіи русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II“, Петроградъ, 1915 г., стр. 85—87).

[3]) Въ этомъ смыслѣ по поводу нашихъ изслѣдованій высказался также г. Н. Сидоровъ—въ „Голосѣ Минувшаго“, 1913 г., № 6 (Обзоръ журналовъ).

Особенно важно то, что „Отрывокъ“ задуманъ, а „Путешествіе“ написано въ одинаковой формѣ—формѣ „Путешествія“, раздѣленнаго на главы (въ „Живописцѣ“ была помѣщена лишь одна глава, но предполагалось еще продолженіе).

Очень характерны и самыя заглавія. Въ обоихъ случаяхъ не только дано общее названіе—„Путешествіе“, но и указано, *куда* именно оно предпринято: у Радищева—„въ Москву“, въ „Отрывкѣ“—„въ ***“. Затѣмъ: если сказано куда, то, вѣдь, сразу же является вопросъ: откуда? Въ книгѣ Радищева дается на это отвѣтъ, въ „Отрывкѣ“ вмѣсто этого стоятъ буквы „И*** Т***“. При этомъ обратимъ вниманіе на нѣкоторое противорѣчіе между содержаніемъ „Отрывка“ и помѣткой въ началѣ его: „Глава XIV“. Первая фраза отрывка такова: „По выѣздѣ моемъ *изъ сего города*, я останавливался во всякомъ почти селѣ и деревнѣ; ибо всѣ они равно любопытство мое къ себѣ привлекали; но *въ три дня сего путешествія ничего не нашелъ я похвалы достойнаго*“. Итакъ, за всѣ три дня пушествія авторъ не сдѣлалъ,—значитъ, и не описывалъ ранѣе—никакихъ своихъ положительныхъ наблюденій; отрицательныя же впечатлѣнія авторъ въ этомъ „Отрывкѣ“, какъ видно изъ его вступленія, только еще *начинаетъ* излагать. Чѣмъ же могли быть тогда заняты предшествующія тринадцать главъ? Мы думаемъ, это противорѣчіе можно объяснить только тѣмъ, что авторъ написалъ эту статью не какъ „отрывокъ“ только, а какъ самостоятельное произведеніе, думая потомъ его расширить. При такихъ условіяхъ, въ словахъ: „По выѣздѣ моемъ *изъ сего города*“, надо видѣть указаніе на тотъ городъ, откуда авторъ отправился въ путь. А если такъ—то названіе города можетъ заключаться въ заголовкѣ статьи, объясняя этимъ, изъ какого „сего города“ выѣхалъ путешественникъ. Допустимо, что на это и указываютъ буквы „И*** Т***“: ихъ можно бы понимать въ смыслѣ—„Изъ Тамбова“, „Изъ Тулы“ и т. п. [1]). Если бы это предположеніе было справедливо, то мы получили

---

[1]) Высказывая это предположеніе, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны замѣтить, что оно стоитъ въ противорѣчіи съ примѣчаніемъ самого Новикова, сдѣланнымъ въ листѣ 5-мъ послѣ текста „Отрывка“, о томъ, что издатель получилъ это сочиненіе отъ „*г. И. Т.*“ Значитъ, Новиковъ придавалъ этимъ буквамъ значеніе инициаловъ автора. Примирить это съ нашимъ предположеніемъ можно при томъ условіи, что издатель, получивъ эту статью, самъ не зналъ истиннаго значенія инициаловъ, и потому принялъ буквы И. Т. или за инціалы автора, или за его псевдонимную подпись. Это

бы полное подобіе съ названіемъ книги Радищева: и въ томъ и въ другомъ случаяхъ въ заглавіяхъ содержалось бы указаніе на начальный и конечный пунктъ путешествія [1]).

Отмѣтивъ эти черты сходства между „Отрывкомъ“ и „Путешествіемъ“, обратимся теперь къ наиболѣе важному вопросу—къ выясненію того, есть ли между двумя разсматриваемыми произведеніями, кромѣ явнаго соотвѣтствія въ общей идеѣ, точки соприкосновенія и въ частностяхъ.

„Путешествіе“ Радищева въ исторіи нашего общественнаго развитія оцѣнивается болѣе всего, какъ протестъ противъ крѣпостного права, но изъ XXVI главъ книги крестьянскому вопросу посвящено въ сущности главъ восемь („Любани“, „Зайцово“, „Едрово“, „Хотиловъ“, „Вышній Волочокъ“, „Мѣдное“, „Городня“ и „Пешки“). Есть, конечно, и въ другихъ главахъ упоминанія о положеніи крестьянъ, но они менѣе значительны. Ясно, что, если искать соотвѣтствія въ содержаніи „Отрывка“ и „Путешествія“, то нужно обратиться именно къ перечисленнымъ главамъ, такъ какъ „Отрывокъ“ всецѣло посвященъ обрисовкѣ крестьянской жизни.

Среди всѣхъ упомянутыхъ главъ едва ли не самое видное, центральное, мѣсто занимаетъ глава, названная „Пешки“ (XXIV-я). Въ одномъ изъ новѣйшихъ изданій „Путешествія“ она выразительно названа: „Вопль объ ужасахъ крѣпостничества“ [2]). В. А. Мякотинъ также отмѣчаетъ такое центральное положеніе главы „Пешки“, говоря про нее: „Какъ бы заключая рядъ впечатлѣній, получаемыхъ читателемъ отъ этихъ фигуръ (крестьянъ) и *сводя въ одно цѣлое* ихъ разрозненныя черты, Радищевъ въ одной изъ послѣднихъ главъ своей книги изображаетъ внѣшнюю обстановку жизни крестьянина“ [3]). Такимъ образомъ, если въ другихъ

возможно, если предположить, что сношенія автора „Отрывка“ съ Новиковымъ только еще начинали завязываться. Впрочемъ, мы ни сколько не настаиваемъ на этомъ нашемъ бѣгломъ предположеніи, и для насъ значеніе инпціаловъ „И*** Т***“ большой роли не играетъ.

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что авторъ „Отрывка“ скрылъ названіе и конечнаго пункта своего путешествія, обозначивъ его звѣздочками.

[2]) Изданіе 1905 г., напечатанное въ СПБ., подъ редакціей Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева.—Цитируя „Путешествіе“, мы всегда ссылаемся здѣсь именно на это изданіе; ссылки же на другія произведенія Радищева дѣлаются по „Полному собранію сочиненій“ его, изданному подъ ред. В. В. Каллаша (Москва, 1907 г., въ 2-хъ томахъ).

[3]) „Изъ исторіи русскаго общества“, стр. 192.

главахъ „Путешествія“ выведены разныя частныя явленія крестьянскаго быта, то здѣсь, въ главѣ „Пешки“, дана общая картина жизни крестьянъ въ деревнѣ, передаваемая по личнымъ впечатлѣніямъ автора.

Вотъ въ содержаніи именно этой главы мы и усматриваемъ близость съ содержаніемъ помѣщеннаго въ „Живописцѣ“ „Отрывка“.

„Отрывокъ“ состоитъ изъ двухъ частей: одна помѣщена въ 5-мъ, другая въ 14-мъ листѣ „Живописца“. Для того сопоставленія, которое мы будемъ дѣлать, достаточно пока взять первую часть „Отрывка“. Вкратцѣ содержаніе ея таково.

Послѣ маленькаго вступленія, гдѣ путешественникъ высказываетъ свое общее впечатлѣніе, вынесенное отъ посѣщенія деревень, онъ начинаетъ описывать деревню „Разоренную“. Сначала авторъ въ нѣсколькихъ словахъ изображаетъ внѣшній видъ деревни, а затѣмъ описываетъ посѣщеніе одной избы. При входѣ, путешественника поражаетъ ужасное состояніе жилища „заразительной духъ отъ всякой нечистоты, чрезвычайной жаръ и жужжаніе безчисленнаго множества мухъ“; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ слышитъ вопль трехъ находящихся въ избѣ младенцевъ. Въ лукошкахъ они лежатъ „безъ всякаго призрѣнія“: у одного выпала соска съ молокомъ, другой лежалъ, обернувшись лицомъ къ подушкѣ изъ самой толстой холстины, онъ весь почернѣлъ и былъ уже „въ рукахъ смерти“; третій былъ распеленатъ, лицо его покрывало множество мухъ, которыя мучили ребенка, а солома, на которой онъ лежалъ, колола его.

Сильно взволнованный ужаснымъ положеніемъ младенцевъ, авторъ обращается съ негодующимъ укоромъ къ помѣщику, приглашая его посмотрѣть на этихъ младенцевъ, которые просятъ только необходимаго пропитанія, только, чтобы не отнимали у нихъ жизнь и не мучили. Послѣ этого путешественникъ выходитъ изъ избы и отъ тяжелаго воздуха, въ которомъ онъ пробылъ нѣсколько времени, падаетъ въ обморокъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи первой половины „Отрывка“ авторъ описываетъ свою встрѣчу съ крестьянскими дѣтьми, которыя спрятались ранѣе отъ путешественника, предположивъ, что это ѣдетъ ихъ баринъ. Путешественникъ успокоилъ дѣтей и далъ имъ денегъ и пирожковъ. На этомъ и заканчивается въ 5-мъ листѣ журнала текстъ „Отрывка“ [1]).

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду лишь главную часть первой половины „Отрывка“—до выхода путешественника изъ избы.

Обращаемся теперь къ главѣ „Путешествія“ — „Пешки“ [1]). Глава начинается съ того, что путешественникъ заходитъ въ избу, чтобы пообѣдать. Хозяйка, увидавъ у путешественника сахаръ, подсылаетъ къ нему маленькаго мальчика, чтобы попросить кусочекъ этого „боярскаго кушанья“, котораго имъ самимъ купить не на что. При этомъ хозяйка обращается къ путешественнику со словами: „Не слезы ли ты крестьянъ своихъ пьешь, когда они ѣдятъ такой же хлѣбъ какъ мы?“ Показывая хлѣбъ изъ трехъ четвертей мякины и одной части непросѣянной муки, хозяйка говоритъ, что у многихъ сосѣдей хлѣбъ и того хуже; „поэтому,—замѣчаетъ крестьянка,—ребята мрутъ, мрутъ и взрослые“.

Слова крестьянки наполнили грустью сердце путешественника; онъ впервые осмотрѣлъ всю обстановку избы. Авторъ описываетъ жалкій видъ жилища крестьянина и бѣдную утварь его обихода. Послѣ этого путешественникъ задумывается о положеніи крестьянъ, находя, что во всемъ имъ видѣномъ, сказывается „алчность дворянства, грабежъ, мучительство наше и беззащитное нищеты состояніе“. Крестьянину помѣщикъ оставляетъ только то, чего отобрать не можетъ—воздухъ, отнимая нерѣдко не только хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ и даже жизнь. „Съ одной стороны,—говоритъ Радищевъ,—почти всесиліе, съ другой—немощь беззащитная“.

Потрясенный тяжелой картиной крестьянской нищеты, путешественникъ обращается къ помѣщику, призывая его взглянуть на дѣтей крестьянъ, ему подвластныхъ, и указывая на ихъ ужасное состояніе. Въ концѣ главы Радищевъ напоминаетъ помѣщику объ ожидающихъ его карахъ совѣсти.

Изъ сдѣланнаго краткаго пересказа можно видѣть, что общая тема разсмотрѣнной части „Отрывка“ и главы „Пешки“ одинакова. И въ томъ и въ другомъ случаѣ авторъ описываетъ свое посѣщеніе крестьянской избы и впечатлѣнія, отъ этого получаемыя. При этомъ надо отмѣтить, что оба путешественника ѣдутъ въ жаркій [2]) лѣтній день; оба посѣщаютъ избу сравнительно достаточнаго крестьянина: въ „Отрывкѣ“—домъ лучшій во всей деревнѣ (по словамъ извозчика, который везъ путешественника), въ „Путешествіи“ же домъ такого крестьянина, который ѣстъ хлѣбъ лучшій, чѣмъ другіе.

[1]) „Путешествіе“, стр. 230—233.

[2]) Авторъ „Отрывка“ прямо указываетъ: „День тогда былъ жаркой“; въ „Путешествіи“ въ главѣ „Любани“ отмѣчается: „Время было жаркое“ („Путешествіе“, стр. 11).

Сравнивая содержаніе разсматриваемой нами части „Отрывка“ и главы „Пешки“, мы можемъ замѣтить въ нихъ три главныхъ одинаковыхъ части, именно: 1) описаніе жалкаго состоянія внѣшней обстановки жизни крестьянина, 2) бытовая картина, характеризующая бѣдность и голоданіе крестьянъ, и особенно ихъ дѣтей (въ „Отрывкѣ“—трое безпризорныхъ младенцевъ, въ главѣ „Пешки“,– мальчикъ, просящій сахара, и хозяйка, показывающая хлѣбъ), 3) обращеніе потрясеннаго видѣннымъ путешественника къ помѣщику съ призывомъ взглянуть на крестьянскихъ дѣтей.

Правда, рисуемыя авторами картины, характеризующія жизнь крестьянъ, различны; описанія жилища крестьянина, хотя и имѣютъ одну цѣль, но даютъ разныя подробности: въ „Отрывкѣ“ больше говорится о внѣшнемъ видѣ деревни, тогда какъ въ „Путешествіи“ авторъ сосредоточивается на описаніи внутренности самой избы.

Итакъ, мы видимъ, что въ главѣ „Пешки“ и въ части „Отрывка“ сходны общая тема и существенныя части содержанія, но еще гораздо значительнѣе для насъ, что и въ томъ и въ другомъ случаяхъ почти *одинаковъ ходъ мысли авторовъ*. Взволнованные картинами крестьянской бѣдности, оба автора приходятъ къ одному и тому же результату: негодующему обращенію къ помѣщику съ призывомъ посмотрѣть на крестьянскихъ дѣтей. Это—центральное мѣсто и главы и разсматриваемой части „Отрывка“: здѣсь у авторовъ, потрясенныхъ всѣмъ видѣннымъ, проявляются наружу накипѣвшія чувства. И это наросшее негодованіе и въ томъ и въ другомъ случаяхъ выливается въ одинаковой формѣ:

„*Жестокосердый тиранъ,* отъемлющій у крестьянъ насущный хлѣбъ и послѣднее спокойство! *посмотри* чего требуютъ сіи младенцы!..“ восклицаетъ авторъ „Отрывка“.

„*Жестокосердый* помѣщикъ, *посмотри* на дѣтей крестьянъ, тебѣ подвластныхъ!“ произноситъ Радищевъ тономъ того же негодованія, которымъ проникнута и рѣчь автора „Отрывка“.

Значительно и самое сходство выраженій, встрѣчающихся въ этихъ фразахъ: „жестокосердый“—одинъ изъ любимыхъ эпитетовъ Радищева, не разъ попадающійся въ „Путешествіи“ въ примѣненіи къ помѣщикамъ, которыхъ Радищевъ, какъ и авторъ „Отрывка“, неоднократно называетъ тамъ тиранами.

Этотъ одинаковый въ обоихъ случаяхъ пріемъ—обращеніе къ „жестокосердому“ помѣщику — важенъ для насъ, какъ доказательство тоже-

ственнаго хода мысли авторовъ. Но это обращеніе цѣнно и какъ частное совпаденіе одинаковыхъ мыслей, одинаковыхъ литературныхъ пріемовъ авторовъ „Отрывка“ и „Путешествія“.

Можно найти и другія подобныя точки соприкосновенія между разсматриваемыми главами двухъ этихъ произведеній.

Непосредственно за приведеннымъ обращеніемъ къ помѣщику авторъ „Отрывка“ говоритъ о младенцахъ: „...посмотри, чего требуютъ сіи младенцы! У одного связаны руки и ноги: приноситъ ли онъ о томъ жалобы?—Нѣтъ: онъ спокойно взираетъ на свои оковы. Чего же требуетъ онъ?—*Необходимо нужнаго только пропитанія.* Другой произносилъ вопль о томъ, чтобы только *не отнимали у него жизнь.* Третій вопіялъ къ человѣчеству, чтобы его *не мучили*“.

Въ „Путешествіи“, какъ разъ впереди указаннаго обращенія къ помѣщику, мы находимъ соотвѣтствующее по смыслу мѣсто. Обрисовавъ тяжелую обстановку жизни крестьянъ, Радищевъ пишетъ: „Тутъ видна алчность дворянства, грабежъ, *мучительство* наше и беззащитное нищеты состояніе.—Звѣри алчные, піявицы ненасытныя, что мы крестьянину оставляемъ? то, чего отнять не можемъ, воздухъ. Да, одинъ воздухъ. *Отъемлемъ* нерѣдко у него не токмо *даръ земли—хлѣбъ и воду*, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ *отъяти у него жизнь*. Но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъяти ее у нихъ постепенно!“

Мысль сравниваемыхъ мѣстъ одинакова: помѣщики отнимаютъ у крестьянъ даже то, что они отнимать не имѣютъ власти—хлѣбъ и воду (въ „Отрывкѣ“—необходимое пропитаніе), и даже самую жизнь; и въ томъ и въ другомъ случаяхъ указывается также на мучительство помѣщиковъ.

Сдѣлаемъ еще одно сопоставленіе. Въ „Отрывкѣ“, въ самомъ началѣ его, авторъ, передавая свои общія впечатлѣнія о бѣдственномъ положеніи крестьянъ, высказываетъ мысль, что именно крестьяне „богатство и величество цѣлаго государства составлять должны“. Подобная же мысль выражена и въ главѣ „Пешки“. Описавъ условія жизни крестьянъ, Радищевъ говоритъ: „Вотъ въ чемъ [1]) почитается, по справедливости источникъ государственнаго избытка, силы, могущества“. Мысль, конечно, не представляетъ чего-либо характернаго, но для насъ важно то, что отмѣченное соотвѣтствіе проявляется въ той самой главѣ „Путешествія“, общая тема которой совпадаетъ съ темой „Отрывка“.

[1]) То есть въ положеніи крестьянъ.

9389

Итакъ, мы видимъ, что „Отрывокъ“ и глава „Пешки“ связаны не только одинаковой темой, не только одинаковымъ ходомъ мысли авторовъ, но и нѣсколькими совпадающими частностями.

Мы говорили выше, что „Отрывокъ“ состоитъ изъ двухъ частей; до сихъ поръ мы разсматривали первую, теперь перейдемъ ко второй. Эта часть начинается длиннымъ періодомъ, въ которомъ авторъ описываетъ наступленіе вечера и противополагаетъ препровожденіе времени въ этотъ часъ, съ одной стороны, богачей, худыхъ судей, подъячихъ, волокитъ, щеголихъ, игроковъ и т. д., съ другой стороны—крестьянъ, которые въ это время „возвращались съ поля въ пыли, въ потѣ, измучены, и радовались, что для прихотей одного человѣка всѣ они въ прошедшій день много сработали“.

Авторъ приводитъ далѣе свой разговоръ съ крестьянами относительно уборки хлѣба. Въ заключеніе путешественникъ разсказываетъ: „Подите, друзья мои, сказалъ я имъ (крестьянамъ), отдыхайте: завтра воскресенье, и вы, конечно, на работу не пойдете, такъ мы поговоримъ побольше.—И! родимой! сказалъ крестьянинъ, какъ не работать въ воскресенье! Помолясь Богу, не што же дѣлать намъ, какъ не за работу приниматься; кабы да по всѣмъ праздникамъ нашему брату гулять, такъ нѣкогда бы и работать было. Вѣть мы, родимой, не господа, что бы и намъ гулять; полно тово, что и они гуляютъ“. Послѣ этого, крестьяне ушли, а путешественникъ „углубился въ размышленія“.

Затрагиваемаго здѣсь вопроса о работѣ крестьянъ въ воскресенье касается и Радищевъ въ „Путешествіи“, въ главѣ „Любани“ [1]). Радищевъ передаетъ въ этой главѣ свой разговоръ съ пашущимъ крестьяниномъ: „Ты, конечно, раскольникъ,—говоритъ крестьянину путешественникъ,—что пашешь по воскресеньямъ. Нѣтъ, баринъ, я прямымъ крестомъ крещусь, сказалъ онъ, показывая мнѣ сложенные три перста. А Богъ милостивъ съ голоду умирать не велитъ, когда есть силы и семья.—Развѣ тебѣ во всю недѣлю нѣтъ времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще въ самый жаръ.—Въ недѣлѣ то баринъ шесть дней, а мы шесть разъ въ недѣлю ходимъ на барщину“.

Итакъ, Радищевъ, какъ и авторъ „Отрывка“, возбуждаетъ вопросъ о работѣ крестьянъ въ воскресенье. Кромѣ этого общаго соотвѣтствія, наблюдаются точки соприкосновенія и въ частностяхъ: оба автора, пере-

[1]) „Путешествіе“, стр. 11—12.

С.С.С.Р. ИНСТИТУТ

давая разговоръ крестьянъ, стараются воспроизводить народный языкъ [1]); крестьяне въ обоихъ случаяхъ говорятъ о погодѣ. Путешественникъ въ „Отрывкѣ“ обращается къ крестьянамъ—„друзья мои“...; въ „Путешествіи“ Радищева, въ другой главѣ, есть такое же обращеніе къ крестьянамъ [2]). Крестьяне въ „Отрывкѣ“ называютъ своего помѣщика не бариномъ, а по-народному—„бояриномъ“; это же выраженіе встрѣчаемъ въ главѣ „Пешки“, въ разговорѣ крестьянки съ путешественникомъ [3]). Замѣчательно также, что какъ на автора „Отрывка“, такъ и на Радищева, разговоръ съ крестьянами производитъ одинаковое впечатлѣніе, но объ этомъ мы скажемъ ниже.

Но мало этого. Разсматриваемой второй части „Отрывка“ можно найти соотвѣтствія не только въ „Путешествіи“, но и въ позднѣйшемъ сочиненіи Радищева—„Описаніе моего владѣнія“. Въ началѣ этого „Описанія“ рисуется возвращеніе крестьянъ съ работы: „Уже радостные раздаются по нивамъ клики. Жители, паки собрашася вкупѣ, возвращаются“... Но у Радищева картина возвращенія крестьянъ вызываетъ грустныя мысли: „Блаженны, блаженны, если бы весь плодъ трудовъ вашихъ былъ вашъ!—Но, о горестное напоминовеніе!—ниву селянинъ воздѣлывалъ чуждую, и самъ, самъ чуждъ есть, увы!“ [4]). Сходная мысль явилась при видѣ возвращенія крестьянъ и у автора „Отрывка“: авторъ пишетъ, будто „крестьяне радовались, что для прихотей одного человѣка всѣ они въ прошедшій день много сработали“. Въ словѣ „радовались“, конечно, выражается не настроеніе крестьянъ, а отношеніе самого автора къ картинѣ ихъ возвращенія съ работы. Тутъ слышится та же, какъ и у Радищева, дума и печаль автора о томъ, что весь дневной трудъ крестьянъ пошелъ не на ихъ нужды, а на другого человѣка.

Далѣе, черезъ нѣсколько страницъ, Радищевъ въ „Описаніи моего владѣнія“ вновь поднимаетъ вопросъ о работѣ крестьянъ въ воскресенье. Радищевъ говоритъ: „Господинъ можетъ его (крестьянина) заставить работать сколько хочетъ. *Нынѣ только запрещено работать по воскресеньямъ*, и совѣтомъ сказано, что довольно трехъ дней на

[1]) Въ „Путешествіи“ это болѣе проявляется въ той части разговора крестьянина, которая нами выше не приведена.

[2]) „Путешествіе“, стр. 217.

[3]) Тамъ же, стр. 230.

[4]) „Полное собраніе сочиненій Радищева“, томъ II, стр. 350.

господскую работу [1]), но на нынѣшнее время законоположеніе сіе не великое будетъ имѣть дѣйствіе, ибо состояніе ни земледѣльца ни двороваго не опредѣлено“ [2]). Изъ этого видно, какъ близко къ сердцу принималъ авторъ „Путешествія“ затронутый въ „Отрывкѣ“ вопросъ: законъ Павла I не удовлетворилъ Радищева, онъ ждалъ болѣе точнаго опредѣленія правъ крестьянъ.

Сдѣлавъ приведенныя сопоставленія, остановимся, чтобы оцѣнить ихъ значеніе. Въ результатѣ мы видимъ, что первая половина „Отрывка“ (до момента выхода путешественника изъ избы) имѣетъ съ главою „Пешки“ общую тему и три главныхъ одинаковыхъ части плана; затѣмъ въ этихъ главахъ мы замѣтили тожественный ходъ мысли авторовъ, близкое сходство центральныхъ мѣстъ—обращеніе къ „жестокосердному“ помѣщику—и нѣсколько другихъ соотвѣтствій въ отдѣльныхъ мысляхъ. Главную часть второй половины „Отрывка“, помѣщенной въ листѣ 14-омъ „Живописца“, составляетъ разговоръ съ крестьянами, возвращающимися съ работы, при чемъ авторъ выдвигаетъ вопросъ о работѣ въ воскресенье. Тотъ же вопросъ затрагиваетъ Радищевъ въ разговорѣ съ крестьяниномъ въ главѣ „Любани“, а затѣмъ и въ „Описаніи моего владѣнія“. Ранѣе въ этомъ послѣднемъ сочиненіи авторъ рисуетъ возвращеніе крестьянъ съ работы, каковую картину находимъ и въ „Отрывкѣ“.

Къ этому надо прибавить еще сходство въ заглавіяхъ „Отрывка“ и „Путешествія“ и одинаковость ихъ литературной формы.

При оцѣнкѣ всѣхъ этихъ соотвѣтствій нужно также имѣть въ виду, что въ теченіе всего XVII-го вѣка въ нашей литературѣ было очень мало прозаическихъ сочиненій, авторы которыхъ взяли бы сюжетомъ русскую, и вдобавокъ еще крестьянскую жизнь. Это, конечно, зависитъ отъ того, что самый кругъ лицъ, имѣвшихъ возможность владѣть нашимъ прозаическимъ литературнымъ языкомъ, который тогда только еще создавался, былъ совершенно ограниченъ. Въ особенности это относится къ началу 70-хъ годовъ, когда появился „Отрывокъ“. Но Радищевъ былъ въ этомъ ограниченномъ кругу писателей того времени, онъ былъ свя-

[1]) Этотъ законъ былъ изданъ императоромъ Павломъ I при посредствѣ А. А. Безбородко; въ этомъ частичномъ улучшеніи положенія крестьянъ, можетъ быть, допустимо видѣть нѣкоторое вліяніе литературы („Отрывокъ“, „Путешествіе“).

[2]) „Полное собраніе сочиненій Радищева“, томъ II, стр. 372.

занъ литературными отношеніями съ издателемъ „Живописца“, наконецъ онъ *могъ* написать „Отрывокъ“ потому, что онъ создалъ „Путешествіе“. При этомъ надо принять во вниманіе также то, что авторъ „Отрывка“ не думалъ ограничиться одной главой, а имѣлъ стремленіе описать все свое путешествіе. Поэтому такъ естественно искать въ послѣдующей литературѣ выполненіе этого стремленія, но единственно, что можно найти соотвѣтственное, это—„Путешествіе“ Радищева.

О случайности подмѣченныхъ чертъ сходства говорить, по нашему мнѣнію, невозможно. Остаются два предположенія: 1) или, что „Отрывокъ“ оказалъ явное вліяніе на Радищева, или 2) что авторъ „Отрывка“—самъ Радищевъ.

Мы допускаемъ предположеніе, что Радищевъ могъ поддаться вліянію автора „Отрывка“, допускаемъ это, хотя, при рѣзко выраженной индивидуальности Радищева, и очень трудно думать, чтобы онъ въ своемъ „Путешествіи“ въ значительной степени подражалъ другому безвѣстному автору.

При рѣшеніи поставленнаго вопроса вотъ чему придаемъ мы большое значеніе: это—не разъ проявляющейся одинаковой какъ у автора „Отрывка“, такъ и у Радищева, связи между созерцаемыми авторомъ картинами и вызываемыми этимъ впечатлѣніями и мыслями автора.

Дѣйствительно:

Авторъ „Отрывка“, посѣтивъ крестьянскую избу и увидавъ воочію всю нищету крестьянской жизни, какъ бы не можетъ сдержать своихъ чувствъ, и выливаетъ ихъ наружу въ негодующемъ обращеніи къ помѣщику съ призывомъ взглянуть на крестьянскихъ дѣтей. Такое же настроеніе послѣ посѣщенія избы испытываетъ и Радищевъ, такъ же выражая свое негодованіе въ подобномъ же обращеніи къ помѣщику.

Другая мысль, которая является у автора „Отрывка“ при видѣ мрачныхъ картинъ крестьянской жизни, это мысль о томъ, что въ такихъ-то ужасныхъ условіяхъ живутъ тѣ люди, „которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны“. Сходную мысль, какъ мы видѣли, высказываетъ и Радищевъ, когда онъ посѣщаетъ жилище крестьянина.

При описаніи возвращенія крестьянъ съ работы, авторъ „Отрывка“ говоритъ, будто крестьяне „радовались, что для прихотей одного человѣка всѣ они въ прошедшій день много сработали“. Здѣсь, какъ мы говорили, слышится печаль автора о несправедливости того, что весь

дневной трудъ крестьянъ не пошелъ на ихъ собственныя нужды. Но подобная мысль является и у Радищева при описаніи возвращенія крестьянъ: „Блаженны, блаженны,—обращается Радищевъ къ крестьянамъ,—если бы весь плодъ трудовъ вашихъ былъ вашъ!“

Когда авторъ „Отрывка“ говоритъ о работѣ крестьянъ, онъ испытываетъ желаніе указать на всю непосильность крестьянскаго труда, отъ котораго нѣтъ даже воскреснаго отдыха. Радищевъ, описывая трудъ крестьянъ, въ двухъ своихъ сочиненіяхъ затрагиваетъ тотъ же вопросъ о работѣ въ воскресенье.

Послѣ разговора съ крестьянами, авторъ „Отрывка“, „разсуждая объ ихъ состояніи, столь *углубился въ размышленія*“, что не могъ заснуть раньше двухъ часовъ ночи. На такія же глубокія думы наводитъ разговоръ съ крестьяниномъ и Радищева: онъ начинаетъ разсуждать о неравенствѣ „крестьянскаго состоянія“, и *„углубленный въ сихъ размышленіяхъ“*, не замѣчаетъ даже, какъ заснулъ его слуга.

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ примѣровъ видна неоднократно подмѣчаемая одинаковая, какъ у автора „Отрывка“, такъ и у Радищева, связь между наблюденіями и вызываемыми ими мыслями и настроеніями авторовъ.

Если бы такое соотвѣтствіе являлось только единичнымъ, оно могло бы быть случайнымъ. Но изъ всего очень небольшого текста „Отрывка“ мы находимъ рядъ такихъ совпаденій въ сочиненіяхъ Радищева; именно этой совокупности одинаковыхъ впечатлѣній мы и придаемъ значеніе. Въ этомъ мы видимъ индивидуальный отпечатокъ духовнаго образа Радищева, проявляемаго какъ въ „Путешествіи“, такъ и въ „Отрывкѣ“. Если говорить только о вліяніи автора „Отрывка“ на Радищева, то при этомъ предположеніи допустимо, можетъ быть, считать, что авторъ „Путешествія“ взялъ у своего предшественника общую идею произведенія, его форму, и могъ даже безсознательно слѣдовать основному ходу мысли автора „Отрывка“; но допускать, что Радищевъ заимствовалъ у этого автора отдѣльныя мысли, не имѣющія для общаго плана никакого значенія, и душевныя настроенія, вызываемыя изображаемыми картинами, по нашему мнѣнію, невозможно. Примириться съ этимъ не допускаетъ собственная яркая индивидуальность Радищева: его мысль не могла идти по чужому пути, она развивалась самостоятельно.

Итакъ, мы думаемъ, что указанныя нами соотвѣтствія „Отрывка“

и „Путешествія“ можно объяснить только тѣмъ, что въ обоихъ этихъ произведеніяхъ проявились мысли и чувства одного человѣка—Радищева.

Окончательно этотъ вопросъ должно выяснить сравненіе стиля автора „Отрывка“ и Радищева, къ чему мы и переходимъ.

Стиль Радищева у насъ часто называютъ тяжелымъ. Это справедливо, но только отчасти. Тяжеловѣсность Радищевскому языку придаетъ присутствіе въ немъ множества церковно-славянскихъ оборотовъ и выраженій и построеніе фразъ въ духѣ славянскаго языка. Когда возмущалась мысль Радищева, когда „содрогалось“ его сердце, онъ непремѣнно прибѣгалъ къ церковно-славянскому языку, и нѣкоторыя страницы „Путешествія“ настолько сильно имъ пропитаны, что положительно напоминаютъ проникновенный евангельскій стиль. Но, когда Радищевъ переходилъ отъ размышленій къ описанію своихъ наблюденій надъ русскою жизнью, тогда слогъ его освобождался отъ славянизмовъ и нерѣдко звучалъ народною рѣчью. Въ зависимости отъ этого главы „Путешествія“—*разнообразны по стилю.*

Въ главѣ „Пешки“, какъ и въ другихъ описательныхъ главахъ „Путешествія“, славянскій элементъ почти совершенно не сказывается поэтому при сравненіи главы „Пешки“ съ „Отрывкомъ“, также произведеніемъ исключительно описательнаго характера, отмѣченная особенность стиля Радищева значенія не имѣетъ. Къ этому надо прибавить также то, что вліянію церковно-славянскаго языка Радищевъ не могъ подвергнуться сразу послѣ своего возвращенія изъ-за границы [1]).

Однимъ изъ другихъ характерныхъ свойствъ Радищевскаго стиля является его необычайная одушевленность, пропитанность чувствомъ. Отношеніе Радищева къ изображаемымъ имъ явленіямъ нерѣдко даже повышенно-страстное, преувеличенно-сантиментальное. Въ частности, эта особенность языка Радищева выражается въ томъ, что волнуемый

[1]) Пользуемся случаемъ коснуться здѣсь легенды о томъ, будто бы Радищевъ за время пребыванія въ Лейпцигѣ успѣлъ разучиться правильно говорить по-русски. Намъ думается, что наглядным опроверженіемъ этой легенды могутъ служить сдѣланные Радищевымъ въ 1773 г. два перевода. И, если самъ Радищевъ говоритъ о своемъ „маломъ знаніи въ россійскомъ письмѣ“, то здѣсь онъ, конечно, имѣетъ въ виду не незнаніе языка, а невыработанность своего литературнаго стиля. Для восполненія этого недостатка Радищевъ сталъ изучать церковно-славянскій языкъ, въ которомъ видѣлъ средство для улучшенія своего стиля.

своимъ повѣствованіемъ, онъ постоянно прерываетъ его одушевленными восклицаніями, обращеніями и вопросами. Авторъ обращается и къ живымъ существамъ, и къ предметамъ неодушевленнымъ, и къ отвлеченнымъ понятіямъ. Такіе пріемы встрѣчаются на каждомъ шагу, при чемъ слово Радищева въ этихъ случаяхъ звучитъ чаще всего глубокой силой негодованія.

Другимъ характернымъ въ разсматриваемомъ отношеніи пріемомъ автора „Путешествія“ является то, что, изображая трогательныя сцены, Радищевъ самъ подчеркиваетъ свое собственное горячее къ нимъ сочувствіе: авторъ плачетъ, рыдаетъ, и подъ впечатлѣніемъ видѣннаго углубляется въ продолжительныя размышленія.

Этотъ *сантиментальный элементъ*, рѣзче всего выражающійся въ двухъ отмѣченныхъ пріемахъ, характеренъ для Радищевскаго стиля: весьма замѣтно проявляется этотъ элементъ не только въ „Путешествіи“, но и въ другихъ сочиненіяхъ, особенно въ одномъ, повидимому, раннемъ наброскѣ Радищева „Дневникъ одной недѣли“.

Слѣдуетъ отмѣтить затѣмъ присутствіе въ стилѣ Радищева *народнаго элемента*. Хотя, правда, въ „Путешествіи“ онъ не сказывается сильно, но тѣмъ не менѣе эта особенность Радищевскаго стиля весьма замѣчательна для того времени, когда стремленіе къ народности только начинало еще зарождаться въ нашей литературѣ [1]).

Отмѣтивъ эти отдѣльные элементы, мы должны сказать, что вообще стиль Радищева отличается значительной *образностью* и красочностью. Въ этомъ отношеніи авторъ „Путешествія“ много работалъ надъ своимъ слогомъ, и даже имѣлъ замѣчательное для писателя XVIII вѣка стремленіе стараться, чтобы слово уже въ самомъ звукѣ своемъ соотвѣтствовало выражаемому имъ дѣйствію или понятію [2]). Большую образность

[1]) На народный элементъ въ стилѣ Радищева указываетъ и Н. П. Сильванскій въ редактированномъ имъ и П. Е. Щеголевымъ изданіи „Путешествія“ (СПБ., 1905). Н. П. Сильванскій отмѣчаетъ въ „Путешествіи“ „бытовые очерки, замѣчательные *народнымъ* языкомъ и реализмомъ“ („Путешествіе“, стр. 10).—Народнымъ элементомъ отличается и повѣсть Радищева „Бова“ (въ стихахъ).

[2]) Въ этомъ отношеніи очень характерно собственное замѣчаніе Радищева по поводу находящагося въ его одѣ „Вольность“ стиха: „Во свѣтѣ рабствѣ тьму претворя“. Автору указывали, по его словамъ, что этотъ стихъ очень тугъ и труденъ для произношенія; на это Радищевъ отвѣчаетъ: „Согласенъ... хотя иные почитали стихъ сей удачнымъ, находя въ негладкости стиха *изобразительное выраженіе трудности самаго дѣйствія*“ („Путешествіе“, стр. 198—199). Въ связи съ этимъ мы

Радищевскому стилю придаетъ самый подборъ словъ: Радищевъ старался выбирать слова сильныя, яркія, эпитеты выразительные, проявлял иногда даже наклонность къ созданію неологизмовъ. Вообще особенности въ подборѣ и употребленіи словъ являются однимъ изъ самыхъ характерныхъ свойствъ, по которымъ можно отличать стиль Радищева.

Обращаемся теперь къ „Отрывку".

Та одушевленность, которую мы отмѣтили въ стилѣ Радищева, проявляется и здѣсь. Въ „Отрывкѣ" мы неоднократно встрѣчаемъ излюбленныя Радищевымъ восклицанія и обращенія; таковы, напримѣръ, обращенія къ „человѣчеству", къ „господству", къ „жестокосердому тирану", къ солнцу, обращеніе къ помѣщику, и еще другое характерное, выражающееся въ такихъ словахъ: „О, вы худыя и жестокосердыя господа! вы дожили до того несчастія, что подобныя вамъ человѣки боятся васъ какъ дикихъ звѣрей" и т. д.

Авторъ „Отрывка", какъ и Радищевъ, проявляетъ свое глубокое чувство по отношенію къ изображаемымъ явленіямъ. „Съ великимъ содраганіемъ" сердца приступаетъ авторъ къ описанію своего путешествія; полно негодованія обращеніе путешественника къ помѣщику съ призывомъ взглянуть на крестьянскихъ дѣтей; видя младенцевъ, находящихся въ безпомощномъ положеніи, авторъ „Отрывка" проливаетъ слезы; послѣ разговора съ крестьянами, онъ „углубляется" въ долгія размышленія.

Отмѣченныя нами особенности стиля „Отрывка" вносятъ въ него замѣтный сантиментальный элементъ, проявляющійся въ тѣхъ же, какъ и въ „Путешествіи" Радищева, формахъ [1]). Этотъ сантиментальный оттѣнокъ чрезвычайно замѣчателенъ въ русскомъ литературномъ произведеніи начала 70-хъ годовъ, то есть почти за двадцать лѣтъ до появленія „Писемъ русскаго путешественника" Карамзина; да и не только для такого ранняго времени, вообще для до-карамзинской литературы, особенности сантиментальнаго стиля въ русскомъ оригинальномъ про-

можемъ высказать мнѣніе, что та тяжеловѣсность, которую видятъ въ стилѣ Радищева, вовсе не является непремѣнно ему присущей: эта тяжеловѣсность искусственно выработана Радищевымъ, который въ тяжелой значительности языка видѣлъ большее соотвѣтствіе содержанію *нѣкоторыхъ* главъ своей книги.

[1]) Мы должны, впрочемъ, отмѣтить, что указанныя нами стилистическія особенности, общія въ „Отрывкѣ" и въ „Путешествіи", можно найти и у другихъ русскихъ сантименталистовъ, но *послѣ Карамзина*, вызвавшаго многихъ себѣ подражателей.

изведеніи представляются явленіемъ очень рѣдкимъ. Но такъ какъ и Радищевъ воспринялъ сантиментальное направленіе до Карамзина, то вслѣдствіе этого сходство отмѣченныхъ литературныхъ пріемовъ автора „Отрывка" и Радищева имѣетъ для насъ очень большое значеніе. Литературная форма „Отрывка" и сантиментальныя его особенности позволяютъ отнести его къ жанру такъ называемыхъ „сантиментальныхъ путешествій", только что вошедшихъ въ моду на Западѣ послѣ появленія въ 1767 г. родоначальника этого жанра „Сантиментальнаго путешествія" Стерна [1]). Знакомство съ этимъ новымъ литературнымъ жанромъ, отражающееся въ „Отрывкѣ", могло быть въ ближайшіе годы доступно лишь немногимъ изъ русскихъ людей. Но среди этихъ немногихъ былъ Радищевъ, незадолго до появленія „Отрывка" вернувшійся изъ Германіи,—гдѣ уже появились тогда „сантиментальныя путешествія",—и бывшій въ Лейпцигѣ ученикомъ Геллерта, главный принципъ котораго составляло „воспитаніе сердца".

Переходя къ другимъ свойствамъ стиля автора „Отрывка", мы должны отмѣтить въ этомъ произведеніи чрезвычайно рѣдкое для того времени стремленіе къ народной рѣчи, воспроизводимой во всей ея самобытности. Ярче всего этотъ народный элементъ, отмѣченный нами и у Радищева, проявляется въ передачѣ авторомъ „Отрывка" разговора крестьянина: „По сіось день Господень всю таки у насъ, родимой, погода стоитъ добрая, и мы почти со всемъ господскимъ хлѣбомъ управились: авось таки милосливой Спасъ подержитъ надъ нами свою руку, и дастъ намъ еще хорошую погоду, такъ мы и со своимъ хлѣбишкомъ управимся. У нашего боярина такое, родимой, повѣрье, что какъ поспѣетъ хлѣбъ, такъ сперьва всегда ево боярской убираемъ; а съ своимъ то де, *изволитъ баять* [2]), вы поскорѣе уберіотесь" и т. д.

Уже это тяготѣніе автора „Отрывка" къ пользованію языкомъ народнымъ показываетъ стремленіе къ образности рѣчи. Это же проявляется въ выборѣ словъ и выраженій, въ числѣ которыхъ есть очень

[1]) „Чувствительное сердце" автора „Отрывка", его любовь къ человѣчеству, экспансивность въ выраженіи чувствъ, характерныя восклицанія и обращенія—это именно тѣ особенности, которыя можно найти и у другихъ европейскихъ „сантиментальныхъ путешественниковъ" (о нихъ см. въ книгѣ В. В. Сиповскаго „Н. М. Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника»", СПБ., 1899 г., стр. 69, 458—59, 525 и др.).

[2]) Курсивъ автора „Отрывка".

яркія, въ томъ числѣ и такія, которыя постоянно встрѣчаемъ у Радищева. Какъ примѣръ образности рѣчи автора „Отрывка“, отмѣтимъ такія выраженія: „жестокость пламяни“, „обиталище плача“, „въ рукахъ смерти“; у Радищева встрѣчаются: именованіе крестьянъ „кормильцами“ помѣщиковъ [1]), эпитетъ „жестокосердый“, неоднократно повторяемый въ „Отрывкѣ“ и любимый Радищевымъ (въ современномъ ему „Словарѣ Россійской Академіи“ этого слова нѣтъ, но у Радищева существовало и противоположное слово—„мягкосердый“), народное выраженіе „бояринъ [2])“ (вмѣсто баринъ), народное же „дожжи“ [3]) (вмѣсто дожди) и т. д.; можно также отмѣтить, что, какъ у автора „Отрывка“, такъ и у Радищева, въ разговорѣ съ крестьянами встрѣчается одинаковое къ нимъ обращеніе: „друзья мои“...[4]) Другихъ примѣровъ приводить здѣсь не будемъ: общія автору „Отрывка“ и Радищеву особенности въ употребленіи словъ покажемъ ниже, на отдѣльномъ примѣрѣ.

Изъ сказаннаго видно, что въ главнѣйшихъ свойствахъ стиля автора „Отрывка“ мы находимъ несомнѣнное соотвѣтствіе со стилемъ Радищева. Намъ представляется особенно важнымъ это соединеніе въ ихъ стилѣ двухъ элементовъ: сантиментальнаго,—столь рѣдкаго въ нашей литературѣ до Карамзина и проявляющагося какъ въ „Отрывкѣ“, такъ и у Радищева, въ одинаковыхъ формахъ,—съ народнымъ, стремленіе къ которому едва намѣчалась у насъ въ XVIII вѣкѣ.

Это сходство стиля тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ то столѣтіе нашъ литературный языкъ, которымъ владѣли немногіе, только еще начиналъ вырабатываться, вслѣдствіе чего стиль каждаго вообще писателя обладалъ замѣтными индивидуальными отличіями, зависѣвшими отъ свойствъ личности автора, его образованія, воспитанія и всѣхъ тѣхъ вліяній, подъ которыми протекало развитіе даннаго писателя.

Отъ этихъ общихъ сопоставленій перейдемъ къ примѣру: возьмемъ небольшую, въ нѣсколько фразъ, часть начала „Отрывка“, и отмѣтимъ здѣсь всѣ замѣчаемыя нами особенности стиля и мысли Радищева.

Въ самомъ началѣ „Отрывка“ говорится, что по выѣздѣ изъ города, авторъ останавливался въ каждомъ почти селеніи и вездѣ встрѣчалъ только „бѣдность и рабство“; непаханныя поля и дурной урожай хлѣба показывали путешественнику, какое раченіе имѣютъ помѣщики о земледѣліи. Далѣе идетъ слѣдующее мѣсто, которое и будетъ избраннымъ нами примѣромъ для сопоставленій:

„Маленькія, покрытыя соломою хижины изъ тонкаго заборника, дворы огороженныя плетиями, не большія *адонья* [1]) хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота, подтверждали сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны.

„Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами тому были виною. О человѣчество! тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ. О господство! ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками. О блаженная добродѣтель, любовь ко ближнему, ты употребляешься во зло: глупыя помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ изъявляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ, а не къ человѣкамъ! Съ великимъ содраганіемъ чувствительнаго сердца, начинаю я описывать нѣкоторыя села, деревни и помѣщиковъ ихъ. Удалитесь отъ меня ласкательство и пристрастіе, низкія свойства подлыхъ душъ: истина перомъ моимъ руководствуетъ!“

Въ этомъ небольшомъ „Отрывкѣ“ сконцентрированъ цѣлый рядъ особенностей, указывающихъ намъ на Радищева. Перейдемъ къ указанію этихъ особенностей.

Прежде всего обратимъ вниманіе на выраженіе „*адонья*“; это слово отмѣчено курсивомъ самимъ авторомъ, какъ въ другомъ мѣстѣ такимъ же способомъ онъ выдѣляетъ народную рѣчь. Слово „адонье“—мѣстное, народное, не употребительное въ литературномъ языкѣ. Въ современномъ Радищеву „Словарѣ Россійской Академіи“ слова „адонье“ нѣтъ, но есть „одонье“ (очевидно, другая только орѳографія); по толкованію „Словаря“, это слово означаетъ: „небольшой круглый скирдъ изъ хлѣбныхъ сноповъ, складенныхъ въ остроконечную кучу“ [2]).

Если мы обратимся къ „Описанію моего владѣнія“ Радищева, то мы найдемъ и тамъ это характерное выраженіе; разсказывая о жатвѣ ржи, Радищевъ говоритъ, что крестьяне „вяжутъ снопы и кладутъ въ

---

[1]) „Путешествіе“, стр. 137.
[2]) Тамъ же, стр. 230.
[3]) Тамъ же, стр. 12.
[4]) Тамъ же, стр. 217.

[1]) Курсивъ автора „Отрывка“.
[2]) „Словарь Россійской Академіи“, Спб., 1789—94 гг., 6 частей.

адонья“ [1]). Слѣдуетъ подчеркнуть, что Радищевъ не только пользуется этимъ словомъ, но и употребляетъ ту же, какъ и авторъ „Отрывка“, орѳографію: „адонье“, а не „одонье“, какъ въ „Словарѣ Россійской Академіи“.

Но мало этого; относительно разсматриваемаго слова очень цѣнное указаніе даетъ словарь Даля. Въ немъ разъясняется, что слово „одонье“ употребительно въ Новгородской, *Саратовской*, Тамбовской, Тульской и Воронежской (здѣсь говорится — „одонья“) губерніяхъ [2]). Теперь дѣлается понятнымъ, почему Радищевъ знаетъ это неупотребительное въ литературномъ языкѣ слово: онъ родился въ Саратовской губерніи, а это выраженіе распространено на его родинѣ. Но если тѣмъ же характернымъ словомъ пользуется и авторъ „Отрывка“, то мы можемъ считать этотъ фактъ очень важнымъ для насъ указаніемъ. Мы получаемъ намекъ даже на ту мѣстность, гдѣ дѣлалъ свои наблюденія авторъ „Отрывка“, и если мы ранѣе говорили о крайней ограниченности круга лицъ, которыя могли бы написать „Отрывокъ“, то теперь этотъ кругъ совершенно сжимается.

Въ той же фразѣ „Отрывка“, гдѣ упоминаются „адонья хлѣба“, мы находимъ нѣсколько необычное именованіе крестьянской избы словомъ „хижина“. Самъ авторъ, видимо, сознаетъ, что это выраженіе, хотя и даетъ извѣстную образность, но малоупотребительно въ желаемомъ автору смыслѣ—въ примѣненіи къ крестьянской избѣ; потому-то въ другомъ мѣстѣ говорится такъ: *„избы, или лутче сказать* бѣдныя развалившіяся *хижины“* [3]). Авторъ здѣсь подбираетъ болѣе удачное, болѣе характерное выраженіе. Именно это же слово, въ примѣненіи къ крестьянской избѣ, встрѣчаемъ мы и у Радищева. Въ упомянутой уже статьѣ „Описаніе моего владѣнія“ онъ такъ описываетъ мѣсто въѣзда въ свое имѣніе: „...по лѣвую сторону (дороги) виденъ пространный яблонный садъ, плетнемъ огороженный, за нимъ высокая роща, нѣ-

[1]) „Полное собраніе сочиненій Радищева“, томъ II, стр. 358.

[2]) „Толковый словарь живого великорусскаго языка“, томъ II, 1881 г., стр. 677. По объясненію Даля, это слово въ названныхъ губерніяхъ означаетъ: „круглая кладь, кладушка хлѣба въ снопахъ, яно и круглая кладь сѣна; долгая кладь называется скирдъ, стогъ, зародъ“. Даль указываетъ также, что слово „одонье“ употребительно еще въ Новгородской и Архангельской губерніяхъ, но съ другимъ значеніемъ: *„подкладъ, подстилъ* подъ скирдъ, кладь, подъ зародъ“. У автора „Отрывка“, какъ и у Радищева, слово „одонье“ употребляется не въ этомъ, а именно въ первомъ смыслѣ.

[3]) Это говорится въ „Отрывкѣ“ при описаніи деревни Раззоренной.

сколько *хижинъ, покрытыхъ соломою*, между коими видны остатки каменнаго дома“ [1]). Можетъ быть, стоитъ подчеркнуть и то, что желая охарактеризовать „хижины“ съ внѣшней стороны, Радищевъ отмѣчаетъ здѣсь только то, что онѣ „покрыты соломою“; эта же подробность обращаетъ вниманіе и автора „Отрывка“.

Мысль о томъ, что крестьяне „богатство и величество цѣлаго государства составлять должны“, какъ мы уже указывали, выражена въ измѣненной формѣ и въ „Путешествіи“, въ главѣ „Пешки“.

Обращенія автора „Отрывка“—О человѣчество! О господство! О блаженная добродѣтель!—совершенно въ духѣ Радищева. Такія обращенія встрѣчаются въ „Путешествіи“ постоянно; напримѣръ: „О! гордость, О! надмѣнность человѣческая, воззри на сіе, и познай, коликo ты ползуща!“ [2]).

Кромѣ того, въ самомъ употребленіи словъ въ этихъ обращеніяхъ есть Радищевскія особенности. Въ фразѣ „О человѣчество! тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ“ авторъ слову „человѣчество“ придаетъ необычный смыслъ: у автора „человѣчество“ равносильно человѣколюбію или человѣчности. Именно такой смыслъ иногда вкладывалъ въ это слово и Радищевъ: въ одной изъ главъ „Путешествія“ онъ передаетъ слова старика, бывшаго солдата, въ бою никогда не щадившаго врага: „О! вы послѣдующіе мнѣ, будьте мужественны, но помните человѣчество“ [3]), то есть, конечно, человѣколюбіе. Можно отмѣтить также, что то значеніе, какое придается эпитету „блаженный“ въ словахъ „О, блаженная добродѣтель“, встрѣчается и у Радищева: въ „Дневникѣ одной недѣли“ находимъ выраженіе: „О, блаженная безчувственность“ [4]). Авторъ „Отрывка“ говоритъ, что „господство *тиранствуетъ* надъ подобными себѣ человѣками“. Слово тиранъ—обычное въ языкѣ Радищева въ примѣненіи къ жестокимъ помѣщикамъ.

Выраженіе *„подобные* себѣ человѣки“ нельзя считать точнымъ: авторъ хотѣлъ, конечно, сказать, что крестьяне *такіе же*, какъ и помѣщики, люди, слово же „подобный“ и въ нашемъ обычномъ употребленіи и въ толкованіи „Словаря Россійской Академіи“ не соотвѣтствуетъ та-

[1]) „Собраніе сочиненій Радищева“, томъ II, стр. 350.

[2]) „Путешествіе“, стр. 57.

[3]) Тамъ же, стр. 228.

[4]) „Собраніе сочиненій Радищева“, т. I, стр. 79.

кому смыслу. По „Словарю“ „подобный“ значитъ „сходственный, похожій, имѣющій съ кѣмъ или съ чѣмъ подобіе, сходство“; примѣръ: „Море стекляно подобно кристаллу“. Итакъ, авторъ „Отрывка“ употребляетъ здѣсь и далѣе это слово въ своеобразномъ значеніи, между тѣмъ тотъ же смыслъ неоднократно вкладываетъ въ это слово и Радищевъ: въ „Путешествіи“ онъ клеймитъ „звѣрской обычай порабощать себѣ подобнаго человѣка“ [1]).

Употребленное авторомъ „Отрывка“ множественное число отъ слова человѣкъ—„человѣки“ и въ то время сохранялось только въ славянскомъ языкѣ, а въ общемъ, русскомъ, по указанію „Словаря Россійской Академіи“, и тогда говорилось—люди; Радищевъ въ „Путешествіи“ также постоянно употребляетъ церковно-славянское „человѣки“.

Авторъ „Отрывка“ говоритъ, что къ описанію своего путешествія онъ приступаетъ „съ великимъ содроганіемъ чувствительнаго сердца“. Этотъ образъ—содрогающееся сердце—мы встрѣчаемъ и въ „Путешествіи“ [2]). Характерное выраженіе „*чувствительное* сердце“ также находимъ въ книгѣ Радищева: въ главѣ „Клинъ“ авторъ восклицаетъ: „О истинна! колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь въ укоризну“ [3]); этотъ же эпитетъ замѣчаемъ и въ статьѣ Радищева „Бесѣда о томъ, что есть сынъ отечества“ [4]); болѣе того: самъ Радищевъ на слѣдствіи говорилъ про себя, что онъ *родился* съ „чувствительнымъ сердцемъ“ [5]).

Такимъ образомъ, въ очень небольшой, состоящей всего изъ нѣсколькихъ фразъ, части „Отрывка“ мы находимъ цѣлый рядъ особенностей въ стилѣ,—въ частности въ употребленіи словъ, особенностей, замѣчаемыхъ какъ въ „Отрывкѣ“, такъ и въ сочиненіяхъ Радищева. Если не всѣ, то нѣкоторыя изъ отмѣченныхъ нами характерныхъ примѣтъ, безусловно присущи только Радищеву. Особенно многозначительна совокупность ряда такихъ отличій всего въ нѣсколькихъ строкахъ „Отрывка“: въ этомъ, безъ сомнѣнія, ярко проявляется индивидуальный характеръ личности Радищева, поскольку она отражается въ словѣ.

Итакъ, если мы ранѣе отмѣтили въ „Отрывкѣ“ характерныя особенности мысли Радищева, то теперь мы находимъ такія же особенности и въ способѣ выраженія мысли — въ языкѣ. Мы говорили раньше, что разбираемый вопросъ должно рѣшить сопоставленіе стиля автора „Отрывка“ и „Радищева“. Поэтому теперь, соображая все изложенное, мы съ полнымъ убѣжденіемъ можемъ высказать наше заключеніе, что *авторъ „Отрывка“ А. Н. Радищевъ*.

„Съ великимъ содроганіемъ чувствительнаго сердца“ приступалъ авторъ „Отрывка“ къ своему описанію; это „чувствительное сердце“ билось въ груди Радищева.

„Истинна“, голосу которой слѣдовалъ авторъ „Пушествія изъ Петербурга въ Москву“, „руководствовала“ и авторомъ „Отрывка“, которымъ былъ тотъ же Радищевъ.

Справедливо послѣдователи Радищева болѣе всего отмѣчали въ немъ именно эту любовь къ Истинѣ. „Онъ *истину* любилъ и добродѣтель“, говоритъ писатель И. М. Борнъ, оплакивая кончину Радищева. Другой писатель изъ кружка тѣхъ же послѣдователей Радищева—И. П. Пнинъ восклицаетъ въ стихахъ на кончину Радищева:

„Уста, что *истину* вѣщали,
Увы, навѣки замолчали“.

Радищевъ на зарѣ своей дѣятельности—въ „Отрывкѣ“—вдохновлялся Истиной, слѣдовалъ ей всю жизнь, и написавъ „Пушествіе изъ Петербурга въ Москву“, поплатился за ту же Истину [1]).

Приходя къ заключенію, что Радищевъ былъ авторомъ „Отрывка“, мы вмѣстѣ съ тѣмъ хотимъ выяснить ту связь, которая существуетъ между этимъ произведеніемъ и тѣми теоретическими воззрѣніями, которыхъ всегда придерживался Радищевъ.

Для этого укажемъ сначала на ту зависимость, какая видна и въ „Путешествіи“, съ одной стороны, между тѣми главами, въ которыхъ

---

[1]) „Путешествіе“, стр. 134.
[2]) Тамъ же, стр. 81.
[3]) Тамъ же, стр. 227.
[4]) См. статью П. Е. Щеголева „Изъ исторіи журнальной дѣятельности А. Н. Радищева“—въ журналѣ „Минувшіе Годы“, 1908 г., № 12, стр. 200.
[5]) „Полное собраніе сочиненій Радищева“, томъ II, стр. 602.—Изъ послѣдней фразы можно видѣть также, почему Радищевъ такъ легко могъ воспринять сентиментальное направленіе.

[1]) Отмѣтивъ всѣ указанныя нами соотвѣтствія между „Отрывкомъ“ и „Путешествіемъ“, мы можемъ теперь, въ качествѣ лишняго довода, подтверждающаго нашъ выводъ, привлечь и упоминавшееся выше показаніе П. Радищева; при наличности отмѣченныхъ нами соотвѣтствій, на показаніе Павла Радищева слѣдуетъ смотрѣть не какъ на невѣрное, а какъ на *справедливое*, но неточно передающее фактъ.

высказываются теоретическіе взгляды автора, и, съ другой стороны, между тѣми наблюденіями, которыя сдѣлалъ Радищевъ надъ русскою жизнью именно съ точки зрѣнія этой теоріи.

Въ „Путешествіи“ эта связь выражается въ томъ, что Радищевъ требованія свободы и равенства обосновываетъ естественными правами человѣка. Безпредѣльная свобода нашихъ природныхъ правъ, для собственнаго нашего блага, ограничивается правомъ гражданскимъ. Но если это благо нарушено, тогда вступаетъ въ силу природное право человѣка, право самозащиты. На такой точкѣ зрѣнія, выработанной, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ ученія Мабли, стоялъ Радищевъ въ „Путешествіи“; исходя изъ этого находилъ онъ, что „порабощеніе есть преступленіе“, на этомъ основаніи рисовалъ тяжелыя картины крѣпостной жизни и въ заключеніе восклицалъ: „Исчезни варварское обыкновеніе, разрушься власть тигровъ!“

Но, вѣдь, теорія того же Мабли была усвоена Радищевымъ еще въ Лейпцигѣ, а по возвращеніи въ Россію, Радищевъ даже перевелъ книгу Мабли „Размышленія о Греческой исторіи“ (1773 г.); такимъ образомъ, и въ то время, когда появился „Отрывокъ“, Радищевъ уже придерживался тѣхъ теоретическихъ воззрѣній, на почвѣ которыхъ развивалась мысль автора въ „Путешествіи“. Въ своемъ извѣстномъ, сдѣланномъ при переводѣ Мабли, примѣчаніи о „самодержавствѣ“ Радищевъ говорилъ: „Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу: о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ“, но, если этотъ договоръ нарушенъ, „то и мы освобождаемся отъ нашея обязанности“.

Развивая подобную мысль въ „Путешествіи“, Радищевъ приходилъ къ требованію раскрѣпощенія крестьянъ. Въ небольшомъ примѣчаніи о „самодержавствѣ“ мысль Радищева не могла получить дальнѣйшаго развитія, но если такая же мысль, трактуемая въ „Путешествіи“, приводила Радищева къ обрисовкѣ тяжелаго положенія крестьянъ и къ требованію ихъ освобожденія, то отсюда можно, по аналогіи, заключить, что и „Отрывокъ“ явился продуктомъ тѣхъ же началъ естественнаго права и того же ученія Мабли, на основаніи которыхъ шла мысль автора въ „Путешествіи“. Такимъ образомъ, переводъ Мабли и въ частности примѣчаніе „о самодержавствѣ“, стоятъ въ тѣсной связи съ „Отрывкомъ“, и связь эта одинакова съ той, которою теоретическія главы „Путешествія“ соединяются съ описательными главами книги.

Но „Отрывокъ“ стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи не только съ теоретическими взглядами Радищева, но и съ тѣмъ душевнымъ состояніемъ, какое испытывалъ онъ послѣ возвращенія изъ-за границы. Радищевъ разсказываетъ, съ какимъ восторженнымъ чувствомъ онъ и его товарищи возвращались на родину. Но вскорѣ этотъ душевный подъемъ смѣнился разочарованіемъ. Самъ Радищевъ говоритъ о себѣ и своихъ товарищахъ: „Послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ, жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило“. Ясно, что это было столкновеніе съ подлинными явленіями русской жизни. Бывшимъ лейпцигскимъ студентамъ сразу же пришлось встрѣтиться съ тяжелыми проявленіями крѣпостного права,— и это должно было особенно сильно подѣйствовать на молодыхъ людей, воспитанныхъ въ идеалахъ французской просвѣтительной литературы. Какъ результатъ этого столкновенія съ дѣйствительностью, и явился „Отрывокъ“: въ немъ отразилась вся яркая сила перваго сознательнаго впечатлѣнія.

Итакъ, на поставленный нами въ заголовкѣ вопросъ: „Когда Радищевъ задумалъ «Путешествіе»?“, мы можемъ отвѣтить теперь: „Путешествіе“ (хотя бы и не „Изъ Петербурга въ Москву“) было задумано Радищевымъ не позднѣе 1772 г., когда и была напечатана одна изъ первоначально написанныхъ авторомъ главъ. На „Отрывокъ“ мы смотримъ, какъ на набросокъ одной главы, хотя и не вошедшей въ окончательный текстъ книги Радищева, но по общей темѣ, ходу мысли автора и нѣкоторымъ частностямъ соотвѣтствующей главѣ „Путешествія“ „Пешки“ [1]).

Возникаетъ еще вопросъ: гдѣ и когда сдѣлалъ Радищевъ свои изложенныя въ „Отрывкѣ“ наблюденія надъ русскою жизнью? Вѣрнѣе всего, конечно, что эти „адоньи“ хлѣба, эти бѣдныя, покрытыя соломою, развалившіяся „хижины“ и картины жизни ихъ обитателей Радищевъ наблюдалъ въ родныхъ мѣстахъ, въ Саратовской губерніи. Свою родную деревню Радищевъ, по словамъ его біографовъ, оставилъ еще мальчикомъ, когда былъ отправленъ для ученія въ Москву; но изложенное въ „Отрывкѣ“ едва ли могло быть дѣтскими впечатлѣніями. Допустимо

[1]) Д. Ѳ. Кобеко и П. А. Ефремовымъ были высказаны догадки о томъ, что, кромѣ „Отрывка“, въ „Живописцѣ“ могутъ быть и другія статьи Радищева. Но мы въ тѣхъ письмахъ, которыя названными изслѣдователями приписываются Радищеву, не находимъ никакихъ существенныхъ особенностей его стиля.

предположеніе, что вернувшись въ Россію послѣ долгаго пребыванія за границей, Радищевъ могъ воспользоваться отпускомъ и посѣтить своихъ родителей, жившихъ въ Саратовской губерніи. Возможно также, что юному Радищеву еще и до отъѣзда за границу приходилось жить въ отцовскомъ имѣніи, послѣ перваго отправленія въ Москву. Для Радищева не нужно было большого времени, чтобы въ чувствахъ и памяти сохранить видѣнное: всѣ біографы автора „Путешествія“ единогласно отмѣчаютъ необычайную его воспріимчивость, живой умъ, быстро схватывавшій впечатлѣнія и легко въ нихъ разбиравшійся.

Тотъ фактъ, что Радищевъ не включилъ въ „Путешествіе“ „Отрывка“, хотя онъ и могъ бы быть помѣщенъ на мѣстѣ главы „Пешки“, мы склонны объяснить скорѣе всего одною изъ двухъ причинъ: или Радищева, почти черезъ двадцать лѣтъ, по тѣмъ или инымъ основаніямъ, не вполнѣ уже удовлетворялъ первоначальный юношескій набросокъ, или—другое предположеніе,—что Радищевъ, подозрѣвавшій возможныя осложненія въ связи съ изданіемъ „Путешествія“, не помѣстилъ въ него „Отрывка“, чтобы тѣмъ не указывать слѣдовъ своей прежней литературной дѣятельности.

Сдѣлаемъ теперь попытку объяснить, почему Радищевъ, задумавшій „Путешествіе“ еще въ 1772 г., только въ концѣ 80-хъ годовъ закончилъ, а въ 1790 г. выпустилъ въ свѣтъ книгу. Мы предполагаемъ, что значительную роль въ этомъ отношеніи должно было играть то тяжелое сознаніе,—которое, несомнѣнно, испытывалъ Радищевъ,—что выпускъ въ свѣтъ книги, подобной „Путешествію“, долженъ грозить весьма значительными непріятными послѣдствіями. Радищевъ не могъ, конечно, предвидѣть такихъ послѣдствій, какъ ссылка въ Сибирь, но ожидать крупныхъ, напримѣръ, хотя бы служебныхъ осложненій, авторъ имѣлъ полное основаніе. Авторъ „Отрывка“, какъ и всѣ его современники, видѣлъ ясно, что та свобода слова, которою въ лучшее время пользовались сатирическіе журналы, въ частности „Живописецъ“, съ прекращеніемъ его, миновала. Даже „Отрывокъ“, судя по послѣднимъ словамъ автора [1]), долженъ былъ еще продолжаться въ журналѣ; но продолженія не по-

[1]) Въ послѣднихъ строкахъ помѣщенной въ листѣ 14-омъ „Живописца“ второй части „Отрывка“ авторъ говоритъ, что онъ отправился далѣе въ путь, „горя нетерпѣливостію увидѣть жителей *Благополучныя деревни*“, о помѣщикѣ которой авторъ слышалъ много хорошаго. Такимъ образомъ, дальше, по смыслу, должно было слѣдовать описаніе „Благополучной деревни“, противоположной деревнѣ „Разоренной“.

явилось. Вѣроятно, и въ этомъ уже нужно видѣть давленіе свыше, тѣмъ болѣе, что „Отрывокъ“, какъ свидѣтельствуетъ самъ Новиковъ, вызвалъ много непріятныхъ толковъ: нѣкоторые находили, что эта статья „огорчаетъ цѣлый дворянскій корпусъ“ [1]). При такихъ условіяхъ, выпуская въ свѣтъ „Путешествіе“, Радищевъ подвергалъ очень большому риску не только себя самого, но—что было для него гораздо важнѣе—и семью свою. Это, можетъ быть, до извѣстной степени и было тою задерживающей силою, которая долгое время не давала Радищеву энергіи привести въ исполненіе задуманный планъ.

Къ этому надо прибавить еще то, что въ 1775 г. Радищевъ женился, и, по собственнымъ его словамъ, въ ближайшее время „наслаждался дѣйствительнымъ блаженствомъ, не занимался ничѣмъ болѣе, какъ домашними дѣлами“ [2]).

Однако, повидимому, и въ это время Радищевъ не оставлялъ окончательно мысли о „Путешествіи“. По крайней мѣрѣ, на это косвенно указываетъ тотъ фактъ, что въ третьемъ изданіи „Живописца“ 1775 г., послѣ текста „Отрывка“, была помѣщена не имѣвшаяся ранѣе такая помѣтка: „Продолженіе сего путешествія напечатано будетъ при четвертомъ изданіи сей книги“; въ четвертомъ изданіи было обѣщано продолженіе „въ новомъ изданіи“, каковая помѣтка осталась и въ слѣдующей перепечаткѣ „Живописца“. Возможно допускать, что помѣтка въ четвертомъ изданіи была прямо перепечатана изъ третьяго, безъ какого-либо указанія на этотъ счетъ со стороны автора „Отрывка“; но помѣтка третьяго изданія сдѣлана Новиковымъ, несомнѣнно, не произвольно, а на основаніи соотвѣтствующаго обѣщанія Радищева. Значитъ, въ 1775 г. у него все-таки существовала мысль о продолженіи „Путешествія“. Но едва ли эта мысль вызывала тогда творчество.

Возможно, впрочемъ, что, если не въ семидесятыхъ годахъ, то, во всякомъ случаѣ, до прочтенія Рейналя, были набросаны или задуманы Радищевымъ еще и кое-какія другія главы. Такъ, по указанію самого Радищева, одна изъ главъ „Путешествія“ начата задолго до выхода въ свѣтъ книги, а именно въ 1780 году; это „Слово о Ломоносовѣ“, которое, впрочемъ, видимо, предполагалось

[1]) „Живописецъ“, листъ 13-ый 1772 г., статья „Англійская прогулка“.

[2]) Письмо Радищева къ Шешковскому („Полное собраніе сочиненій Радищева“, томъ II, стр. 602).

выпустить отдѣльно. На рукописномъ экземплярѣ „Слова“ имѣется помѣтка автора: „начато въ 1780 году, окончено въ 1788 году“ [1]). Въ связи съ вопросомъ о возможности относить къ болѣе раннему времени и нѣкоторыя другія главы, отмѣтимъ одну деталь, которая касается главы „Подберезье“. Въ этой главѣ, внесенной въ текстъ послѣ цензуры, Радищевъ приводитъ свой разговоръ съ встрѣченнымъ въ дорогѣ семинаристомъ. Семинаристъ, между прочимъ, говоритъ: „Ты читалъ Блэкстона, читалъ первыя двѣ части на Россійскій языкъ переведенныя. Нехудо было бы заставлять судей нашихъ имѣть сію книгу вмѣсто святцовъ, заставлять ихъ почаще въ нее заглядывать, нежели въ календарь“ [2]). Сдѣлавъ небольшую библіографическую справку, мы увидимъ, что книга Блэкстона — „Истолкованіе Англійскихъ законовъ“ — была издана въ *трехъ* частяхъ, при чемъ первая часть вышла въ 1780, вторая—въ 1781 и третья—въ 1782 году. Если Радищевъ такъ цѣнилъ книгу Блэкстона, то трудно допустить, чтобы онъ могъ своевременно не знать о выходѣ третьей ея части. Не служитъ ли поэтому упоминаніе Радищевымъ только двухъ частей книги Блэкстона косвеннымъ указаніемъ на то, что глава „Подберезье“ была писана еще до 1782 года, то есть до выхода въ свѣтъ третьей части названнаго сочиненія? Потомъ, при окончательномъ редактированіи „Путешествія“, такая мелочь могла остаться и безъ вниманія.

Но въ общемъ, конечно, тотъ фактъ, что Радищевъ еще въ 1772 году задумалъ „Путешествіе“ и даже написалъ „Отрывокъ“, не можетъ въ существенной мѣрѣ поколебать основаннаго на словахъ самого Радищева мнѣнія, что главная работа надъ „Путешествіемъ“ шла въ теченіе 1785—1788 годовъ.

На показаніе же Радищева относительно той роли, которую сыграли въ созданіи „Путешествія“ сочиненія Рейналя и Стерна, приходится теперь нѣсколько измѣнить взглядъ. Радищевъ говорилъ на слѣдствіи, что книга Рейналя вызвала въ немъ тѣ литературныя попытки, въ результатѣ которыхъ появилась мысль о „Путешествіи“. Это показаніе Радищева можно теперь понимать въ томъ смыслѣ, что первоначальный и заброшенный планъ—написать „Путешествіе“—подъ вліяніемъ

[1]) „Путешествіе“, указанное изданіе, статья П. Е. Щеголева „Рукопись «Путешествія»“, стр. LXXXVI.

[2]) „Путешествіе“, стр. 52.

автора „Исторіи обѣихъ Индій“ снова призывался къ жизни, притомъ въ формѣ болѣе глубокой и значительно расширенной. Быть можетъ, юношескій планъ Радищева и никогда бы не осуществился, если бы не книга Рейналя, прочитанная Радищевымъ въ серединѣ 80-хъ годовъ и возбудившая въ немъ прежнія стремленія. При такомъ толкованіи словъ Радищева, можно объяснить себѣ, почему прочтеніе труда Рейналя онъ считалъ началомъ „бѣдственному своему состоянію“ [1]).

Что касается ссылки Радищева на Стерна, то въ этомъ отношеніи придется считать, что съ жанромъ „сантиментальныхъ путешествій“ Радищевъ познакомился еще во время пребыванія своего въ Германіи. Самъ Радищевъ говоритъ, что Стерна онъ прочелъ въ нѣмецкомъ переводѣ. Но такіе переводы появились еще въ то время, когда Радищевъ находился въ Лейпцигѣ: въ 1768—69 гг. „Сантиментальное путешествіе“ было издано въ Гамбургѣ, въ 1769 г.—въ Брауншвейгѣ. Эти переводы сразу пріобрѣли большую популярность, что видно изъ факта появленія въ самомъ ближайшемъ времени нѣмецкихъ подражателей англійскаго писателя. Такимъ образомъ, если мы пріурочимъ къ 1768—71 гг. ознакомленіе Радищева съ жанромъ „сантиментальныхъ путешествій“, то въ самомъ указаніи Радищева относительно вліянія, оказаннаго на него Стерномъ, мы можемъ видѣть сообщеніе, сохраняющее свое значеніе, притомъ въ примѣненіи какъ къ „Отрывку“, такъ и къ „Путешествію“.

Въ заключеніе настоящаго очерка мы хотимъ бросить взглядъ на отношенія другъ къ другу двухъ знаменитыхъ русскихъ общественныхъ дѣятелей XVIII в.—Радищева и Новикова—въ началѣ ихъ поприща.

Новиковъ первый поднялъ въ нашей литературѣ,—въ „Трутнѣ“ 1769 года,—вопросъ о положеніи крестьянъ и былъ въ этомъ отношеніи ближайшимъ предшественникомъ Радищева. Когда въ 1771 году Радищевъ вернулся въ Россію, то его, конечно, сразу же должны были заинтересовать литературныя выступленія Новикова. Личность изда-

[1]) Впрочемъ, сходство Радищевскаго „Путешествія“ съ книгой Рейналя обнаруживается,—какъ это уже не разъ было отмѣчено въ изслѣдованіяхъ о Радищевѣ,—лишь въ стилѣ, и то не вездѣ, а преимущественно при размышленіяхъ на общественно-политическія темы. Но въ рядѣ описательныхъ главъ „Путешествія“ трудно найти какіе бы то ни было слѣды вліянія автора „Исторіи обѣихъ Индій“; эти главы, какъ равно и „Отрывокъ“, могли быть написаны помимо всякаго знакомства Радищева съ Рейналемъ.

теля „Трутня“, впервые возбудившаго столь близкіе Радищеву вопросы, не могла не вызывать его симпатіи. Предпринявъ въ 1772 году изданіе „Живописца“, Новиковъ опять открылъ страницы своего журнала для выясненія вопроса о положеніи крестьянъ. Можетъ быть, самая возможность затронуть въ печати этотъ вопросъ дала Радищеву мысль написать „Отрывокъ“.

Мы предполагаемъ, что не только однимъ знакомствомъ ограничивались въ это время личныя отношенія Новикова и Радищева: возможно думать, что они даже были близки въ первую пору своей дѣятельности. Ихъ связывало прежде всего общее стремленіе вести борьбу съ крѣпостнымъ правомъ. Очень вѣроятно, что вокругъ Новикова и Радищева группировался въ началѣ семидесятыхъ годовъ цѣлый кружокъ единомышленниковъ. Университетскій товарищъ Радищева и его другъ А. М. Кутузовъ былъ близокъ и къ Н. И. Новикову, какъ еще во время жизни послѣдняго въ Петербургѣ, такъ и позднѣе въ Москвѣ. Другой товарищъ Радищева (по Пажескому корпусу) Я. Ѳ. Дубянскій основалъ ложу „Астрея“, куда впервые вступилъ Новиковъ; а когда въ 1775 году Новиковъ и восемь другихъ масоновъ согласились устроить отдѣльную ложу, то и Я. Ѳ. Дубянскій и А. М. Кутузовъ вошли въ этотъ тѣсный кружокъ. Хотя самъ Радищевъ и тогда уже сторонился отъ масонства, но все-таки онъ тоже посѣщалъ ложу „Уранія“, отъ которой позднѣе отдѣлилась ложа „Астрея“, впервые принявшая Новикова. Среди посѣтителей „Уранія“, кромѣ Новикова и Радищева, были также близкіе къ нимъ люди: таковы другіе товарищи Радищева по университету—А. К. Рубановскій [1]) и П. И. Челищевъ, затѣмъ П. Н. Яновъ, братъ товарища Радищева и пріятель его самого; изъ близкихъ къ Новикову лицъ въ „Уранія“ бывали писатели—М. И. Поповъ (пріятель Новикова и дѣятельный сотрудникъ его журналовъ), В. И. Майковъ и другіе [2]).

Изъ всего этого видно, что Новиковъ и Радищевъ вращались въ то время въ одномъ кружкѣ. Въ 1773 году издатель „Живописца“

[1]) Отмѣтимъ кстати, что Новиковъ въ „Словарѣ“ писателей упоминаетъ А. К. Рубановскаго и перечисляетъ его рукописныя и напечатанныя за границей сочиненія, тогда какъ въ „Словарѣ“ пропущены даже многіе изъ писателей, печатавшихъ свои сочиненія въ Россіи.

[2]) Лонгиновъ „Новиковъ и московскіе мартинисты“ (СПБ. 1867), стр. 97—101.

организовалъ „Общество, старающееся о напечатаніи книгъ“, которое выпустило два перевода Радищева. Очень вѣроятно, что въ числѣ членовъ этого „Общества“ былъ и Радищевъ: ему была близка мысль объ изданіи книгъ, позднѣе онъ самъ завелъ свою типографію [1]), а въ „Путешествіи“ посвятилъ рядъ страницъ свободѣ печатнаго слова. Весьма возможно, что первое Новиковское „Общество“ стояло въ связи съ стремленіями всего вообще кружка лицъ, группировавшихся около Радищева и Новикова.

Но не только личныя отношенія, не только общія надежды и стремленія, но и сама судьба связываетъ имена двухъ этихъ виднѣйшихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей XVIII вѣка. Оба они почти одновременно, въ 1772—73 году, выступили въ обществѣ съ попыткою осуществленія тѣхъ идей, въ служеніи которымъ видѣли цѣль своей жизни: Радищевъ возвысилъ въ „Отрывкѣ“ голосъ противъ крѣпостного права, Новиковъ организовалъ „Общество, старающееся о напечатаніи книгъ“, которое было прообразомъ открытой въ 1784 году Типографической Компаніи. Но и Новиковъ и Радищевъ потерпѣли неудачу: первый не встрѣтилъ въ публикѣ сочувствія къ своимъ изданіямъ, второй же,—какъ мы думаемъ,—подъ давленіемъ цензурныхъ условій долженъ былъ оставить мысль о „Путешествіи“. Но эти неудачи, какъ ни тяжело онѣ отразились на душевномъ состояніи Новикова и Радищева, не погасили ихъ стремленій, не „утушили заквасъ“ [2]), наполнившій ихъ молодость: Новиковъ черезъ десять лѣтъ, во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, широко развилъ въ Москвѣ книгоиздательство, Радищевъ въ то же время создалъ „Путешествіе“. Обоимъ черезъ долгіе годы удалось осуществить юношескія мечты; но и участь обоихъ была сходная: Радищева судьба привела въ Сибирь, Новикова—въ Шлиссельбургскую крѣпость.

[1]) Изъ показаній Радищева на слѣдствіи видно, что еще съ того времени, какъ было разрѣшено открывать всѣмъ типографіи (1783 г.), Радищевъ думалъ завести у себя типографскій станокъ, „но не имѣлъ на то случая“; открылъ же свою типографію только въ 1789 г. („Полное собраніе сочиненій Радищева“, томъ II, стр. 591).

[2]) Выраженіе Радищева.

ПРИЛОЖЕНІЕ [1]).

ОТРЫВОКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ
ВЪ ***
И*** Т***.

Глава XIV.

. . . . . .

. . . . . По выѣздѣ моемъ изъ сего города, я останавливался во всякомъ почти селѣ и деревнѣ: ибо всѣ они равно любопытство мое къ себѣ привлекали; но въ три дни сего путешествія, ничего не нашелъ я похвалы достойнаго. *Бѣдность* и *рабство* [2]) повсюду встрѣчалися со мною во образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба, возвѣщали мнѣ какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія покрытыя соломою хижины изъ тонкаго заборника, дворы огороженныя плѣтнями, не большія *адоньи* хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота, подтверждали сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны.

Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами тому были виною. О человѣчество! тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ. О господство! ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками. О блаженная добродѣтель, любовь ко ближнему, ты употребляешься во зло: глупыя помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ изъявляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и сабакамъ, а не къ человѣкамъ! Съ великимъ содраганіемъ чувствительнаго сердца, начинаю я описывать нѣкоторыя села, деревни и помѣщиковъ ихъ. Удалитесь отъ меня ласкательство и пристрастіе, низкія свойства подлыхъ душъ: истина перомъ моимъ руководствуетъ!

Деревня *Раззоренная* поселена на самомъ низкомъ и болотномъ мѣстѣ. Дворовъ около дватцати, стѣсненныхъ одинъ подлѣ другаго, огорожены изсохшими плѣтнями, и покрыты отъ одного конца до другаго, сплошь соломою. Какая нещастная жертва, жестокости пламяни посвященная нерадивостію ихъ господина! Избы, или лутче сказать бѣдныя развалившіяся хижины, представляютъ взору путешественника, оставленное человѣками селеніе. Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимнимъ времянемъ. При въѣздѣ моемъ въ сіе обиталище плача, я не видалъ ни одного человѣка. День тогда былъ жаркой; я ѣхалъ въ открытой коляскѣ; пыль и жаръ столько обезпокоивали меня дорогою, что я спѣшилъ войти въ одну изъ сихъ развалившихся хижинъ, дабы нѣсколько успокоиться. Извощикъ мой остановился у воротъ одного бѣднаго дворишка, сказывая, что ето былъ лутчей во всей деревнѣ; и что хозяинъ онаго зажиточнѣе былъ всѣхъ протчихъ, по тому, что имѣлъ онъ корову. Мы стучались у воротъ очень долго; но намъ ихъ не отпирали. Сабака, на дворѣ привязанная, тихимъ и осиплымъ лаяніемъ, казалось давала знать, что ей оберегать было нѣчево. Извощикъ вышелъ изъ терпѣнія, перелѣзъ черезъ ворота, и отперъ ихъ. Коляска моя взвезена была на грязной дворъ, намощенной соломою: ежели оною намостить можно грязное и болотное мѣсто; а я вошелъ въ избу разтворенными на стешь дверями. Заразительной духъ отъ всякой нечистоты чрезвычайной жаръ, и жужжаніе безчисленнаго множества мухъ, оттуда меня выгоняли; а вопль трехъ оставленныхъ младенцевъ удерживалъ во оной. Я спѣшилъ подать помощь симъ нещастнымъ тварямъ. Пришедъ къ лукошкамъ, прицеплѣннымъ веревками къ шестамъ, въ которыхъ лежали безъ всякаго призрѣнія оставленныя младенцы, увидѣлъ я, что у одного упалъ сосокъ съ молокомъ; я его поправилъ и онъ успоконлся. Другова нашелъ, обернувшагося лицомъ къ подушонкѣ изъ самой толстой холстины, набитой соломою; я тотчасъ его оборотилъ, и увидѣлъ, что безъ скорой помощи, лишился бы онъ жизни: ибо онъ не только что посинѣлъ, и почернѣвъ,

[1]) Перепечатываемъ здѣсь полный текстъ „Отрывка“.
[2]) Курсивъ вездѣ автора „Отрывка“.

былъ уже въ рукахъ смерти: скоро и етотъ успокоился. Подошедъ къ третьему увидѣлъ, что онъ былъ распеленанъ, множество мухъ покрывали лице его и тѣло и немилосердо мучили сего робенка; солома, на которой онъ лежалъ, также его колола, и онъ произносилъ произающій крикъ. Я оказалъ и етому услугу, согналъ всѣхъ мухъ, спеленалъ его другими, хотя нечистыми, но однакожъ сухими пеленками, которыя въ избѣ тогда развѣшены были; поправилъ солому, которую онъ борохтаясь, ногами взбилъ: замолчалъ и етотъ. Смотря на сихъ младенцевъ, и входя въ бѣдность состоянія сихъ людей, вскричалъ я: жестокосердый тиранъ, отъемлющій у крестьянъ насущный хлѣбъ и послѣднѣе спокойство! по смотри, чего требуютъ сіи младенцы! У одного связаны руки и ноги: приноситъ ли онъ о томъ жалобы?—Нѣтъ: онъ спокойно взираетъ на свои оковы. Чего же требуетъ онъ?—Необходимо нужнаго только пропитанія. Другой произносилъ вопль о томъ, что бы только не отнимали у него жизнь. Третей вопіялъ къ человѣчеству, что бы его не мучили. Кричите бѣдныя твари: сказалъ я проливая слезы; произносите жалобы свои! наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ во младенчествѣ: когда возмужаете, тогда и сего утѣшенія лишитесь. О солнце, лучами щедротъ своихъ *** озаряющее: призри на сихъ нещастныхъ!

Оказавъ услугу человѣчеству, я спѣшилъ подать помощь себѣ: тяжкой запахъ въ избѣ, столь для меня былъ вреденъ, что я насилу могъ выйти изъ оной. Пришедъ къ своей колискѣ, упалъ я безъ чувства во оную. Приключившейся мнѣ обморокъ былъ не продолжителенъ: я опомнился, спрашивалъ холодной воды: извощикъ мой ее принесъ изъ колодязя; но я не могъ пить ея по причинѣ худаго запаха. Я требовалъ чистой; но во отвѣтъ услышалъ, что во всей деревнѣ лутче етой воды нѣтъ, и что всѣ крестьяне довольствуются сею пакостною водою. Помѣщики, сказалъ я, вы никакого не имѣете попеченія о сохраненіи здоровья своихъ кормильцевъ!

Я спрашивалъ, гдѣ хозяева того дома: извощикъ отвѣтствовалъ: что всѣ крестьяне и крестьянки въ полѣ; прибавя къ тому, что когда былъ я въ избѣ, то выходилъ онъ въ то время за заднія ворота посмотрѣть, не найдетъ ли тамъ ково ни будь изъ крестьянъ; что нашелъ онъ тамъ одного спрятавшагося мальчика, которой ему сказалъ, что увидѣвъ изъ далека пыль отъ моей коляски, подумали они, что ето ѣдетъ ихъ баринъ, и для того отъ страха разбѣжались. Они скоро придутъ, сказалъ извощикъ; я ихъ увѣрилъ, что мы проѣзжія, что ты бояринъ доброй, что ты не дерешься, и что ты пожалуешь имъ на лапти. Вскорѣ послѣ того пришли два мальчика и двѣ дѣвочки отъ пяти до семи лѣтъ. Они всѣ были босиками, съ разкрытыми грудями и въ однихъ рубашкахъ; и столь были дики, и застращены именемъ барина, что боялись подойти къ моей колискѣ. Извощикъ ихъ подвелъ, приговаривая: *не бойтесь, онъ васъ не убьетъ: онъ бояринъ доброй: онъ пожалуетъ вамъ на лапти.* Робятишки подведены будучи близко къ моей колискѣ, вдругъ всѣ побѣжали назадъ крича: *ай! ай! ай! берите все что есть, только не бейте насъ!* Извощикъ схватя одного изъ нихъ спрашивалъ, чего они испужались. Мальчишка тресучись отъ страха говорилъ: *да! чево испужались... ты насъ обманулъ... на етомъ баринѣ красной кафтанъ... ето никакъ нашъ баринъ... онъ насъ засѣчетъ.* Вотъ плоды жестокости и страха: о вы худыя и жестокосердыя господа! вы дожили до того нещастія, что подобныя вамъ человѣки боятся васъ какъ дикихъ звѣрей! Не бойся, другъ мой, сказалъ я испуженному краснымъ кафтаномъ мальчику; я не вашъ баринъ: подойди ко мнѣ, я тебѣ дамъ денегъ. Мальчикъ оставилъ страхъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ деньги, поклонился въ ноги, и оборотясь кричалъ другимъ: *ступайте сюда робята! ето не нашъ баринъ; етотъ баринъ доброй: онъ даетъ деньги и не дерется!* Робятишки тотчасъ всѣ ко мнѣ прибѣжали: я далъ каждому по нѣскольку денегъ и по пирожку, которыя со мною были. Они всѣ кричали: *у меня деньги! у меня пирогъ!*

Продолженіе будетъ впредь [1]).

---

[1]) Эта часть „Отрывка“ помѣщена въ листѣ 5-омъ „Живописца“ на страницахъ 33—40 (по первому изданію). Послѣ приведеннаго текста въ журналѣ находится такое примѣчаніе издателя: „Сіе сатирическое сочиненіе, подъ названіемъ путешествія въ *** получилъ я отъ г. И. Т. съ прошеніемъ, чтобы оно помѣщено было въ моихъ листахъ. Естьли бы ето было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были Французскою нашею, то не осмѣлился бы я читателя моего поподчивать съ етого блюда; потому что оно приготовлено очень солоно, и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато. Но нынѣ премудрость, сѣдящая на престолѣ, истинну покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ. И такъ я надѣюсь, что сіе сочиненьяце заслужитъ вниманіе людей истинну любящихъ. Въ протчемъ я увѣряю моево читателя, что продолженіе сего путешествія удовольствуетъ его любопытство.

Продолженіе Отрывка путешествія въ *** И*** Т***.

Глава XIV.

Между тѣмъ солнце совершивъ свое теченіе погружалося въ бездну водъ, дневный жаръ перемѣнялся въ прохладность, птицы согласнымъ своимъ пѣніемъ начали воспѣвать пріятность ночи, и сама природа призывала всѣхъ отъ трудовъ къ покою. Между тѣмъ богачи, любимцы *Плутовы*, препроводя весь день въ веселіи и пированіяхъ, къ новымъ приготовлялися увеселеніямъ. Люди праздные, скучающіе драгоцѣнностію времени, потерявъ сей день безполезно, возвращались на ложе свое спокойными, и радовались, что одинъ день убавился изъ ихъ вѣка. Худый судья и негодный подьячій веселились, что въ минувшій день сдѣлали прибытокъ своему карману, и пролили новые источники невинныхъ слезъ. Волокиты и Щеголихи препроводя весь день въ нарядахъ, скакали на берегъ *) для свиданья. Ревнивыя супруги и любовники затворялись во своихъ покояхъ и проклинали вольное обхожденіе. Устарѣлыя Щеголихи воспаляли великое число восковыхъ свѣчъ, и устроя лице свое различными хитростьми, торжествовали восхожденіе престарѣлыя луны, своея благотворительницы, которая блѣднымъ своимъ свѣтомъ оживляла увядшія ихъ прелести. Игроки собирались ко всеночному бдѣнію за карточными столами, и тамъ теряя честь, совѣсть и любовь ко ближнему, приготовлялись обманывать и разорять богатыхъ простячковъ, всякими непозволенными способами.

*) Надобно думать, что ето путешествіе писано въ то время, когда прогуливаніе по берегу было въ модѣ. (Примѣчаніе издателя „Живописца“ Н. И. Новикова.)

Другіе игроки везли съ собою въ карманѣ труды и потъ своихъ крестьянъ цѣлаго года, и готовились поставить на карту. Купецъ веселился считая прибытокъ того дня, полученный имъ на совѣсть, и радовался, что за дешевый товаръ много получилъ барыша. Врачъ благодарилъ Бога, что въ етотъ день много было больныхъ, и радовался, что отправленный имъ на тотъ свѣтъ покойникъ былъ весьма молчаливый человѣкъ. Стряпчій доволенъ былъ, что въ минувшій день умѣлъ разорить зажиточнаго человѣка, и придумать новыя плутовства для разоренія другихъ по законамъ. А крестьяне, мои хозяева, возвращались съ поля въ пыли, въ потѣ, измучены, и радовались, что для прихотей одного человѣка, всѣ они въ прошедшій день много сработали.

Вошедъ на дворъ и увидѣвъ меня въ коляскѣ, всѣ они поклонились въ землю, а старшій изъ нихъ говорилъ: Не прогнѣвайся, господинъ доброй, что насъ никово не прилучилося дома. Мы всѣ, родимой, были въ полѣ: Царь небесной далъ намъ вёдро, и мы торопимся убрать живо, покуда дожжи не захватили. По сюсь день Господень всю таки у насъ, родимой, погода стоитъ добрая, и мы почти со всемъ господскимъ хлѣбомъ управились: авось таки милосливой Спасъ подержитъ надъ нами свою руку, и дастъ намъ еще хорошую погоду, такъ мы и со своимъ хлѣбишкомъ управимся. У нашего боярина такое, родимой, повѣрье, что какъ поспѣетъ хлѣбъ, такъ сперьва всегда ево боярской убираемъ; а съ своимъ то де, *изволитъ баять*, вы поскорѣе уберютесь. Ну, а ты разсуди кормилецъ, вѣть мы себѣ не лиходѣи: мы бы и рады убрать, да какъ захватятъ дожжи, такъ хлѣботъ нашъ и пропадаетъ. Дай ему Богъ здоровье! Мы на Бога надѣемся: Богъ и Государь до насъ милосливы, а кабы да Григорей Терентьевичъ также насъ миловалъ, такъ бы мы жили какъ въ Раю. Подите, друзья мои, сказалъ я имъ, отдыхайте: взавтра Воскресенье, и вы конечно на работу не пойдете, такъ мы поговоримъ побольше.—И! родимой! сказалъ крестьянинъ, какъ не роботать въ Воскресенье! Помолясь Богу, не што же дѣлать намъ, какъ не за роботу приниматься; кабы да по всѣмъ праздникамъ нашему брату гулять, такъ нѣкогда бы и роботать было? Вѣть мы, родимой, не господа, что бы и намъ гулять; полно тово что и они гуляютъ. Послѣ чего крестьяне пошли, а я остался во своей коляскѣ, и разсуждая о ихъ состояніи, столь углубился въ размышленія, что не могъ заснуть прежде двухъ часовъ по полуночи.

На другой день поговоря съ хозяиномъ*) я отправился во свой путь, горя нетерпѣливостію увидѣть жителей *Благополучныя деревни:* хозяинъ мой столько насказалъ мнѣ добраго о помѣщикѣ тоя деревни, что я напередъ уже возымѣлъ къ нему почтеніе, и чувствовалъ удовольствіе, что увижу крестьянъ благополучныхъ [1]).

---

*) Я не включилъ въ сей листокъ разговоръ путешественника со крестьяниномъ по нѣкоторымъ причинамъ: благоразумный читатель и самъ ихъ отгадать можетъ. Впрочемъ я увѣряю моего читателя, что сей разговоръ конечно бы заслужилъ его любопытство, и показалъ бы ясно, что путешественникъ имѣлъ справедливыя причины обвинять помѣщика Разоренной деревни, и подобныхъ ему. (Примѣчаніе издателя „Живописца“ Н. И. Новикова.)

[1]) Эта часть „Отрывка“ помѣщена въ листѣ 14-омъ „Живописца“ на страницахъ 105—109.